

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

СКАРБЪ.

Бувъ собі чоловікъ та жінка. Були вони люде заможнѣнькі; усѣго въ їх доволі: и поля, и скотинки и худоби, и хата простора зъ садочкомъ и левадою. Послѣвъ їмъ Господь на втіху одного тільки синка, — Павлусѣмъ звали. Та вже жъ и шанували и пестували вони того одінчика! не такъ бѣтько, якъ мати. И що то вже за мати була! міжъ матірками, на вдивовіжу мати! Уже Павлусѣ бувъ чималий пахолокъ, а вона ще возілася зъ нимъ, якъ зъ маленюкою дитинкою. Було власними руками годіе єго, а вінъ, телечень, тільки глѣта та, якъ той півцвіринокъ, зновъ ротъ роззявлюе. Усю зиму и осінь съ хати не випустить: «Не ходи, синку, каже: холодно, змѣрнешъ, та ще, крий Бѣже, занедужаешъ, то и й умру, не джду, поки ти й одужаешъ.» Прийде весна або літо, — зновъ не пуска. «Не ходи, синку: дѣшно, сонце наиче головку, голова болітиме.» Цілісенський рѣвъ не дасть єму порога переступить, хибѣ у неділю поведе до цѣркви, та за нимъ и не молитця, такъ обомѣ руками за єго й держитця, щобъ хто, не то що штовхнѣвъ, а й не доторкнѣвся бѣ. Де-коли, якъ обрідне єму стояти, то такий галасъ підійме на всю цѣркву, бѣцимъ зъ єго чортѣка лика дерѣ. «Ходімъ, мамо, до-дому, хліпа: їсти хочу!» То мати и веде єго до-дому, не дждавшись кінця слѣжби и благословѣнія. А якъ кладѣ єго спати, то сама и стѣле, и роздягае, и хрѣстить, и ще й котка співае, неіаче надъ годовичкомъ. Часомъ, бѣтько, дивлячись на се юродство, стѣне грѣматн на жінку и похваляється, що вінъ Павлусѣ віддасть у школу до дяка ажъ у другѣ село, такъ куди!.. и не важі... Така зъ неі добра и покірна жінка, а якъ дійде діло до єі Павлусѣ, то якъ скажѣна ста-

не: и очі вітрити, и запинитця, и за ніжъ хапаєтця; крий Боже, що виробляє!... Кажу жъ вамъ, що й міжъ матерями навдивовіжу була мати.

Дорієс Павлусъ до парубка. Такъ ёго вігнало та роспёрло, такий ставъ гладкий та оцєцькуватий! Піка широка та одутлўвата, якъ у того салогуба, а рўки білі, та ніжні, якъ у панночки. Та одъ чо́го бь імъ и пошерхнуть? зь—ро́ду, не то щобъ щіпъ або ко́су у рука́хъ подєржавъ, не взявся й за лопату, щобъ одгребти снігъ одъ поро́га, або за віникъ, щобъ вимести хату. Було старий и стәне доказувать жінці:

— На яку радість ми ёго вігодували? Який зь ёго хазяїнъ б́уде? Що зь нимъ станетця, якъ ми помремó?... Останетця вінъ на світі, мовъ сліпий безъ поводатєря!

— Э, чоловічє! одкаже жінка:—якъ Богъ милосєрдний пошлє ёму щастя, то безъ насъ житимє ще лўчче, якъ теєрічка!

Ужє Павлусєві минувъ и двацятый, вже бь вінъ и на вечірнійці пішовъ, такъ мати не пускá.

— Не ходи туді, сину, каже:—на вечірнійцяхъ збираютьця самі п'яніці та розбишаки; тамъ тєбє обідять, віку тобі збавлять. Почекай трóшки, я самá знайд́у тобі дівч́ину, сам́у найкращу на всєму світі, сам́у робот́ищу; вона б́уде тєбє и годувать, и зодягать, и доглядать, якъ рідна мати.

Такъ не привівъ же їй Богъ и оженити сина. Разъ у ночі розведувавсь Павлусъ, якъ на живіть крич́ить: «Мєду та й мєду!» У старихъ на ту пору не було мєду. Що тутъ на світі робити?.. Устала мати, накин́ула на сєбе свит́ину, не схотила будитъ наймичку, и самá мотн́улась по сел́у шукати того мєду. А на той часъ така піднялась ф́уга, що, не то що у ночі, а вь день не побáчила бь світу Бóжого. Бігала сердєйна, б́игала одъ хати до хати (у когó й є, то каже нема: не хочєтця уставать), та я́кось ужє ви́просила у по́на. За оди́нь сд́ільничóкъ об́ищала б́у́зівка подарувати. Трóхи не замєрзла, та такі-принєсла, и що жь?.. Павлусєві вже не до мєду; засн́увъ манєсєнький, н́якъ ёго и не розб́уркашъ. Такъ черезъ той-то мєдъ занед́ужала небóга, та и вмєрла. За нею всл́ідъ и б́атько нóги простягъ, и нашъ Павлусъ и не схамен́увєся, якъ зоставсь кр́углимъ сиротóю.

Щó жь зь нимъ сталось?.. Правду казала мати: Якъ Богъ милосєрдний пошлє ёму щастя, то безъ б́атька и безъ м́атєри житимє ще лўчче, якъ за їхъ. У покійниківъ,—зв́єсно, якъ у замóжнихъ хазяїнівъ—бувъ д́аймитъ и наймичка. Наймитъ—парубокъ ще молодий, працєвитий, не

питущій, а наймичка тежъ чесного роду, осталась бідною сиротою, и покійниця прняла її до себе, якъ рідну дитину. За Павлусемъ и імъ добре жилось: було чимъ-небудь йому угодють, то стара и дякуе и грошей імъ дає, и добру одѣжу, а часомъ за наймита скотину у поле віжне, а за наймичку хату вімете и воді принесє. Отожъ якъ умірала стара, то благословила наймита зъ наймичкою побратись, наділила їх худобою и ажъ рѹки імъ цілувала та просила, щобъ вони не обіжали її Павлуся, доглядали бь його и були йому ріднимъ батькомъ и матірью, а вже вона на тимъ світі буде благати Господа, щобъ вінъ милосердний, пославъ імъ усякого щастя и талану.

Отожъ після смерті старихъ, наймитъ оженився зъ наймичкою и стали собі господарювати. Щастя, якъ горохъ зъ мішкѣ, такъ и сиплетця на нашого Павлуся: и урожай у його луччий, якъ у другихъ, и корієвъ нема яловихъ. Накупили волівъ и послали кілька хуръ у Крїмъ за сілля, на Дїнь за рибою, постріили шинокъ зъ лавкою, та й годують скриню карбіванцями, якъ свиню горохомъ. Кругомъ у сусідів талій давить скотину а у Павлуся, якъ на сміхъ, хочъ би одинъ тобі віль здохъ.

Разъ наймитъ піймавъ у садочку ройкѣ, такъ съ того одного розроїлось колодокъ съ тридцять. Наймичка доглядала Павлуся, якъ рідна мати: и годує його, и голову йому змиє, и росчєше, и одягає, и роздягає, и стєле, такъ йому у вічі й дивитця, думку його відгадає, бо Павлусъ за весь день и пари зъ рота не вустить; хочъ би часомъ чогó и схотівъ, вже не попросить: якоесь йому и слово важко вимовити. Тільки йому и роботи, що цілісінкїй день ість (а ловавъ здорово) та спить. Було прокинетця вранці—заразъ наймичка и ставить передъ його душею жарену курку, або качку, або повиєінку макітру варєниківъ зъ сметаною; ість неборакъ, ажъ за ушима ляцить. Не весіла наймичка його утерти, а вінъ вже й уклѣвся спати. Поспить на перині, лізе на дїчъ поспати ще у просі. Пообїдає и зновъ куня; коли зимю, то зновъ у просо, а коли літомъ, то вийде у садокъ, ляже відъ грушею, а часомъ, глянувши угору, трішки й росєрдитця: «Бісові груші! пробубонить: які спілі, и надъ самієінкою головою висять а ні одна жь то не впаде у ротъ.» И що бь то дригнуть ногою та штовхнуть обь цівку! то и поспивавсь би, такъ, кажю жь, йому важко и поворухнутись. Лежить, лежить, та й засне. Пополудне—изновъ идє у комору спати, и спить вже ажъ до західъ сонця. Розбудить его наймичка вечєрати, нагодує, здийме свитину, чоботи, покладє на перину, а вінъ тільки вже

самъ засне. Лучалося, наймитъ вернетця съ поля и навідаецця до Павлуся, а томύ й голову вѣжко держати на плечахъ.

— А чи не смикну́ли бѣ, пане Павле, люльки? свитае наймитъ.

— Смикну́въ би, пробелькоче Павлусь, — такъ люльки не знайдѹ.

— Та ось же вона бія васъ на лавці!

— Такъ хто жъ її набѣ?

— Та вона жъ набита, я жъ її вамъ и набівъ, якъ іхавъ у цѣрину. Одже бія васъ и справу положивъ!

Та ви́креше во́гнио, роспалить люльку и устромить ёму у рогъ, то вінъ и смокче.

Було прийдуть до Павлуся парубкі, та й намовляють ёго, щобъ ийшовъ зъ ними на вечірниці.

— Не підѹ, пробунонить, та й очі запліощить.

— Чомъ? питають.

— Далѣко. Якъ-би́ вечірниці збірались бія моєї хати, то може бѣ и пішовъ.

— Э, пане Павле! кажуть ёму парубкі, якъ-би́ ти побачивъ нашихъ дівчатъ, то не казавъ би, що далѣко!

— Бачивъ, доволі бачивъ... озиваецця Павлусь.

— Де жъ ти їх бачивъ? ти жъ изъ хати ніколи носа не витянешъ?

— Такъ коли жъ снітця, щобъ вони́ показились! ажъ обридли!.. одкаже Павлусь, та й перевернетця на другий бікъ.

Засміютця парубкі, та й підуть відъ ёго. Разъ, на зелѣну неділю, зібралось парубоцтво шукати скарба. Узяли зъ собою заступі, лопати и горілочки не забули, та й пішли у степъ. Пдуть бія Павлусевої хати, отъ одинъ парубокъ и каже.

— Знаете, що, хлопці! Візьмемо зъ собою на щастя Павла Лѣжня (такѣ дали ёму прізвище), то вже певно знайдемо скарбъ: вінъ такий щасливий, що тако́го и на всѣмύ світі не знайдешъ!

Підійшли парубкі до вікна (вікно було одчинене), дивлятця, а Павлусь росплатався на перині и хронѣ на всю хату.

— Пане Павле, о пане Павле! гукну́ли парубкі.—Ходімъ лишень зъ нами скарба шукати!

— Не підѹ! одрізавъ Павлусь.

— Ходімъ бо! просять парубкі, ажъ кланяютця. Ми тебе такъ съ

періною на рука́хъ и понесемо́; не тебе́ намъ тре́ба, а тво́го ща́стя. Якъ ти зъ на́ми бу́дешъ, то, мо́же, Богъ дасть, и зна́йдемо скарбо́.

— Эге́!.. якъ Богъ дасть, то й у вікно́ вкїне... не піду!

— Дожидайся́ жь, поки́ тобі Богъ у вікно́ вкїне, а ми підемо́ шукати́.

Зареготали́сь, та й пішли́ собі, заспіва́вши чумака́.

Ходили́, ходили́ по стени́, ажъ до вѣчора. Шукали́, розкопували́ моги́ли, до все́го пригля́дувались и нічо́гїсїнько не знайшли́. Розка́зують лю́де, що ча́сомъ скарби́ и самі́ вилáзять на верхъ́ землі́, пере́кїнувшись у яку́-небу́дь па́коість: у старо́го шолудїво́го ді́а. або́ у мїршавеньке́ козеня́, або́ у до́хлу кішку. Ко́му ща́стя, той и ні́зна скарбо́. Такъ, каж́у жь, до все́го пригля́дали́сь и нічо́го не побáчили. Вже верта́ючись, якъ смёркло́сь, недалечко́ одъ́ села́, дівля́тця — ле́жить край до́роги до́хлий хорго́. Ма́буть, давно́ издохъ́, гї́дко до ёго́ и блїзько́ підступі́ти. Отъ́ одїнь па́рубокъ́ и ка́же:

— Сл́ухайте, хлóнци: ві́змено сёго́ хорго́ та шу́рїне́мъ Ле́жнєві́ вь ха́ту; неха́й се бу́де той скарбо́, що Богъ ё́му у вікно́ вкїне.

Па́рубкамъ́ подóбалась се́ ви́гадка; отъ́ вони́ підняли́ того́ хорго́ на дрючо́къ и понесли́. Підїйшовши́ тихе́нько до Па́влусєво́ї ха́ти, розма́хали́ хорго́, та й шу́рїнули́ вь вікно́, а вінъ́ якъ бебѣ́хнєтця обѣ́ помїе́ть! такъ́ и бря́знувъ́, и зазвенї́въ, и, якъ жаръ́, по все́й ха́ті розе́шався ду́кáтами.

— Трї́вай, не рушъ́! закри́чали па́рубкі́: се нашъ́ скарбо́, се на́ші гро́ші...

— Брехня́! ка́же Па́влусъ́: — се мїй скарбо́: се мїні́ Богъ у вікно́ вкїну́въ! А що́? Я жь́ вамъ́ ка́завъ́ — не віри́ли?

Па́рубкі́ не сл́ухають ёго́ та то́вплятця́ вь ха́ту, а тутъ́ на той га́ласъ́ де не взяли́сь наї́мнєть зъ́ наймичко́ю, убі́гли вь ха́ту, за рога́чь та замако́гїнь, якъ́ штурхну́ть одно́го, дру́гого, такъ́ вони́ й угамува́лись.

— Будь ла́скавъ́, ка́жуть па́рубкі́, — хочъ́ що-небу́дь дай за те, що́ принесли́ тво́му ха́зїну́ скарбо́!

Наї́мнєть вї́нувъ і́мъ кї́лька ду́кáтївъ, та й ка́же:

— Па́те вамъ́ за пра́цю, а се на́ші гро́ші, бо самі́-такі́ розсудї́те: хто́ бь́ і́хъ у чу́жю ха́ту вкїну́въ, якъ́-би́ не самъ́ Богъ то́го схотї́въ!

Та, се́е ка́жучи, позбі́равъ́ наї́мнєть гарне́нько ду́кáги и схова́въ і́хъ у скрі́ню.

Оттакий-то́ бувъ́ щаслі́вий нашъ́ Па́влусъ́! Ска́зано: якъ́ ко́му Богъ дасть ща́стя, то не тре́ба ё́му и рї́дної ма́герї́, не тре́ба и скарба́ шука́-

ти: самъ ёго знайде. А другому неборакови на бездоллі, у те жь саме вікно, у котре вкїнувся скарбъ, улїзе злодій и останню сорочку вітягне; не поробить день, то на другий и їсти нічого.

Щаслива нитка до смерти не ввїрвлася Павлусеві. Найшлаь и дївчина, що, якъ той скарбъ, сама до ёго лицялась. Пославь ёму Господь и діточокъ, покїрнихъ, слухнянихъ, працєвїтихъ, не такихъ, якъ вінъ пудофєтъ, а у матірѣ, бо жінка у ёго була невсипуща господїня. И віку ёму таки-чимало протягъ Господь: до білого волоса доспався. Спавъ, спавъ, ажъ покі на-віки не заснувь.

Що такє на свїті щастя? спитавъ би я у дуже письменнихъ. Частєнько чўешъ, люди кажутъ: отой щасливий; глянешъ на того щасливого, а вінъ тобі показує на другого, а самъ жалуетця на свою недолу. Зовуть щасливими и тихъ, що увесь свій вікъ нічого не дбають, якъ мїй Павлусь. Богъ їмъ усє дає, а вони нудятця свїтомъ, не знають, що у нихъ є и чоґо їмъ трєба. Зовуть и скупого щасливимъ, бо у ёго баґацько грóшей, а вінъ небораць, увесь свій вікъ стережє тихъ грóшей, якъ рабко на ланьцюґу, ніякої корїсти зъ нихъ не має, и голóдний и холóдний, ще гїршє одъ якоґо-небудь бїдолáхи. Ні, панóве, по моєму той тїльки щасливий, хто другому не завїдує, а дякує Бога за те, що вінъ ёму пославь, — той, коґо Господь благословївъ на добрі дїла, що роскїнулись вони по свїту, якъ розрослась пшениця на добре виоранїй нїві. Нагодє вона и пахаря и ёго сусїдїв, понадє одъ неї скїбка и старцевї вь торбѣ: Не той тїльки щасливий, що самъ натрїскаєтця и вїспитця, а той, що и другого нагодє и заспокоїть, бо у такого и душа бѣде не голóдна.

Оцєжъ такъ загвоздївъ вамъ зписьмєньска, щобъ самї одґадали, чи мїй Павлусь справдї щасливий, чи, мóже, такимъ тїльки прозвали ёго завїсливі люди? Гледїть же, щобъ не було по прїказцї: хвалїть шинкаръ пьяницю, а дочкї своєї за ёго не відáсть! Завїдуєте щастю мого Павлуся, а нїхто бѣ не схотїв бѣти Павлусемъ.

ОЛЕКСА СТОРОЖЕНКО.

ЖОНАТНІЙ ЧОРТЬ.

Давно вже люде кажутъ: що и самъ чортъ не пізна, яка зъ дівчини вийде молодиця. Дівчиною вона и смірна и покірна; слуха матірѣ, батька боігця, старшихъ поважа; вийде на вулицю, то й очей не зведе, а коли зачепить її який парубокъ, то й вилае або заплаче. Подвітця жъ яка зъ неї молодиця, що вона виробляє зъ бідолашнимъ чоловікомъ! И мёркву скромадить, и кіршу гне, и одъ завійницѣ гедзаецця, а де-коли рогачемъ и тьху дасть неборакові, и цибулькою нагодѣе. Изъ парубками вже не та: не насуплюецця, а зѹби до нихъ скалить и бісики пуска; міжъ людьми не сидить мовчки, а цокотить, кого понало и коренить и ганить, а часомъ и москаля підвезе, та ще й очей у рабка не позича, — жива на небо лізе. Такъ що будешъ робити съ такою жінкою?... Швидче тікай до чорта зъ рогами, коли не хочешъ дѹтеля ззісти.

Не брешуть же й люде, кажучи, що и самъ чортъ не пізна, яка зъ дівчини вийде молодиця, бо такъ воно и справді вийшло. Оженився чортъ, та й добувъ собі такѹ жінку, якъ ся молодиця, що я розказувавъ. Заразъ побачивъ сердешний, бо не дурно бувъ чортомъ, що втявъ до гаплика, — не переливкя, бачите: и місяця зъ нею не проживъ, ухопивъ шиломъ цатоки, та й давъ одъ неї драла не оглядуючись.

Плентаецця чортѹка по світу и некла одцѹравсь, бо добре зна, що жінка и тамъ ёго знайде, и відтіля зза пєчи витягне, и вже такъ ёго налякала, що и чужихъ живокъ жахаецця; де ні вздрить очінокъ або плахту, то й ховаецця, а очі заплощуе, якъ жайворонокъ, ўглядівши шульнику. Разъ, якъ ховався вінъ по закамаркахъ, нахопився на ёго якийсь чоловікъ, трѹхи зъ нігъ не зваливъ.

— Тю, на твого батька! скрикнувъ чортъ. — Відкіль се нечїста мати тебе пре?

— Втікаю одъ жінки, одказавъ чоловікъ, — нехай вона сказитця!

— Одъ жінки? спитавъ чортъ. — Куди жъ ти тікаєшь? скажи й міні, будь ласкавъ.

— До чорта зъ рогами! Теперъ и вінъ міні не страшний.

— Ну, коли такъ, то не ходи жъ далєко ёго шукати: я тобі чортъ!

Чоловікъ, почувши се, дѹже злякавъсь, хотївъ бувъ уже пятами ёму наківати, а чортъ ёго зупинивъ, та й каже:

— Не жахайся, голубчику: я й самъ утікъ одъ жінки; далась вона й міні у знакі!

Люде кажутъ: біда одна — людѣй одна. Отъ вони й пішли собі у двохъ, якъ добрі товариші. Чоловікъ розказує чортові про свою жінку, а чортъ про свою. Нічого казати — обидві добрі, годилось би обохъ на одну осіку повісити. Далі чортъ й каже чоловікові:

— Ти міні, чоловіче, ні якої поради не дай, а я тобі у великій пригоді стану.

— У якій же ти міні пригоді станеш?

— Отъ у якій: я буду ускікувать въ утробу жінкамъ, та й буду їхъ мордувати; а ти менє вигавай, та й загрибай гроші лонагою, отъ що!

— Добре! тільки не вскакуй въ утробу моєй жінки: тамъ така гаспедьска утроба, що ти й кінця краю не знайдешъ; тамъ самє пекло, та, мабуть, тамъ вже и безъ тебе сто кіпъ чортівъ сидить, коли не більш!...

— Этъ, хибá опрїчъ нашихъ жінокъ и людѣй на світі нема?...

Якъ згодились, такъ и роблять: ускічуть чортъ въ утробу якій-небудь бідолашній и зачне мордувати, а чоловікъ прийде, поворожить, пошхрує и вижене чорта. Не пройшло й місяця, якъ у чоловіка повнісїнький кашубъ зóлота и сріблá. Якъ тутъ не розпрїндитись и не зачванитись? Зъ грошіма вже ёму и жінки не страшно: одъ нового очіпка, плахти, наміста зъ дувачáми хочъ яка притїхне, хочъ якій пельку заткнєшь. Отъ вінъ за щось заспоривъ съ чортомъ, полáавсь, та й накликавъ на себе лихо: чортъ розсёрдився, та й каже:

— Э, тривай же; продивь сину! не вмїв менє шанувати, такъ покоштуєшь же ти въ мене жару!

Розійшовся чоловікъ съ чортомъ и байдужє собі: гуляє по шинкахъ, розсхожує зъ музїкою по ярмаркахъ, а чортяка тичъ часомъ готує ёму добру халазію. Та й не хитрий же дїявольскїй сивъ! забрався въ утробу якїсь княгївнї, однимъ-одній дощї у бáтька, та й мордує небóгу, такъ-що князь, глядючи на її мўки, ажъ слїзми умивáетця, ажъ волосся на собі рве. (А се ще діялось, коли хочете знати, ще за Польщї, якъ Україною князі орудували.) Зо всєго свого князтва зібравъ князь лікарївъ, знахурївъ, — такъ ні одїнь нічого не вдїє, ніхтó поради не дасть. Ажъ хтось и каже князевї, що є такий чоловікъ, що чортївъ изъ утробї випрўжує. Якъ се почувъ князь, заразъ и розсєлавъ за нимъ гонцївъ, щобъ хочъ підъ землею ёго знайшли, щобъ безъ ёго и не вертáлись. Недовго й шукали нашого неборáка: десь у шинку знайшли

п помчали до князя. Якъ побачивъ ёго князь, то ажъ кланяетця та просить; а звісно, якъ ті магнати чого просять, то хочъ вінъ и кланяетця, а за шабельку берётця: коли не зробишь, чого бажá, то й голову одчеше; якъ кажутъ: и грóші дає, и шкúру дерé.

— Вірятуй, каже князь, — мою дитину, то я тобі пів-князтва мого віддамъ, а якъ не вірятуєшь, то спалю тебе на тихому вогнію!

— *Поіано Тетяно!* подумавъ неборáкъ:— якось прхóдитця не до чмиги. Заразъ пізнавъ, що се бісяка налагодивсь ёму оддáчити: нічого робити: до чóрта; сюди-туди, круть-верть — чого не робивъ, якъ ні пánькавъ и перепрошувавъ чортíку, — не хоче гáспедівъ спитъ.

— Князь обіцявъ мнi пів-князтва, каже чоловікъ, — то и тобі оддамъ ту половину: тільки покiнь княгiвну!

— Этъ, каже чортъ:—магнати шéдрi на обіцянки; вони тоді тільки и не збрéшуть, якъ обіцяють кáру. Залле вінъ тобі за шкúру сáла!

Не вилáзить дiявольскiй спитъ изъ княгiвнi, та й не вилáзить, — ще гiршъ ii мордúе. Не радъ ужé бiдолáшний чоловікъ и тимъ грóшамъ, що зiбрáвъ; ужé бъ и до жiнки вернúвсь. Хотiвъ-бувъ утектi, такъ не мóжна жъ: пристáвили за нимъ калавúръ и такъ ёго пильнúють, якъ óка.

Пройшовъ тiждень, дрúгий, а княгiвнi усé гiршъ та гiршъ. Отъ князь и розлютуáвсь:

— Тв, каже, —усiхъ вилiчувавъ, а моéi дочкi не хочешъ? Отъ тобі срóку однi сýтки. Якъ не виженешъ чóрта, то я сь тебе зроблю вiшкварки.

Нiчого робити бiдному чоловікови; взявъ, та й признáвся князевi, якъ на спóвiдi: »Оттакъ и такъ, каже: се чортъ мнi на пáкостъ забрáвсь у твою дочку, щобъме не зъ свiта зiгнáти. Ему тогó тільки й хочетця, щобъ ти менé жáромъ нагóдувавъ.« Такъ щó жъ? не йме вiри князь!

— Брéшешъ, сáкий-тáкий! Якъ не виженешъ, то бúде, якъ я тобі сказáвъ. Вже для тебе не перемiню свóгo слóва: я, каже, люблю правду!

— А щобъ тебе сь правдою! подумавъ чоловікъ, почúхавши потiлицю. Не твоá се правда, а чóртова!

Минúли сýтки, княгiвнi ще гiршъ стáло. Отъ князь и звелiвъ неборáка спалити, бо, бáчите, любiвъ правду. XСкрутилъ бiдолáшному рúки и вóги и положили на костёръ. XЯкъ пришеклi сердéшного, такъ де вь ёго и рóзумъ узáвсь! вигáдавъ, якiмъ пóбитомъ протúрити чóрта.

— Вижену, репетúе, — вижену дiявольского сiна, тільки розважiть... батечки, голубчяки!

Розв'язали, віць и побігъ у будінки, прямо у ту світлицю, де чортъ мордує княгівну. Якъ убіжить, якъ крикне не своїмъ голосомъ:

— Тікай, чорте, жінка йде!

А чортъ навтікача, такъ прожогомъ у вікно, тільки шибка забрязчала, зъ собою и кватірку виніє!

О л е к с а С т о р о ж е н к о .

П А С І Ш Н И К Ъ .

...Одже ви кажете, що не можна пасікою придбати худоби й грошей; ось послухайте про одного давнього пасішника. Я його дуже добре знавъ. Отъ у тихъ пущахъ, що теперъ понівечили, повирублювали, на долиниці поміжъ старими гіллястими дубами живъ той пасішникъ. А прозивався вінъ Чічібаба.

Якъ теперъ дивлюсь на ёго: старезний дідуганъ, літь, мабуть, дев'яностъ, височений, сухорлявий, білий якъ молоко, борода ёму по поясъ, апро-тє при здоров'ї и силі; поглядъ завжди веселенький, ходивъ вінъ повагомъ, мовъ усє щось дума; неговіркий бувъ: подивитця на тебе, подума, та тоді вже промовить свою річъ, мовъ съ книжки. А якъ що смутне прийде на думку, то заразъ навколїшки, помолився — ніби й заспокоївся. Дє-коли, то й такє бувало, що сїде на моріжну, обшрєтця на пенєкъ, та й задумаєтця; сидить нерухомо мовъ неживий; дарма, що й сонце печє, або дощ обіллє.

Першъ мавъ вінъ хутіръ коло лісу, а якъ поховавъ жінку та трєхъ синівъ, то й забрався у саму пущу, хутіръ віддавъ невісткамъ та унукамъ, а самъ завівъ пасіку. Що жъ то за пасіка була! не надивєся на неї: пнівъ було пять-сотъ, а може й більшъ; вўлики стояли рядочками, чистєнькі, гладєнькі, покриті полив'яними мисками; скрізь повикошувано, попідчишувано. Посередині стоявъ у гарнім кивотї образъ святого Зосєма, тутъ же и св'ячена вода; а ззаду хатина невеличка, чепурнєнька.

Живъ той дідъ самъ-собі, не боївся ні звіря, ні злодія; ніщо у ёго не було підъ замкомъ. Опє якъ трєба було ёму кудї-нєбудь піти, то озьме, та й кине постіль свою підъ дубомъ; отто думка така: побачать, що постіль не прибрана, подумаютъ, що дідъ де-нєбудь близєнько вєштаєтця по пасіці. Унўки рідко ходили до діда, бо не любивъ їхъ за те,

що скільки вінъ ні дававъ їмъ грошей — протрінькають, хазійствечко звели, ні ва що. Вся їжа въ діда була *сіра каша*: такъ звавъ вінъ кулішъ *пшоняний*. Натовкмаче було туди сухарівъ житніхъ, поноість трішки, закріе казанокъ, та й повісить на гілляці, щобъ було й на другий день. А якъ хто прийде до ёго, то вінъ постановить на дерев'яній талірці спільниківъ гърнихъ, що ажъ п'альці пообсмóктуешъ, та хлїбъ святий.

Нікуди вінъ и не одвертався съ пасіки, окрічъ дому Бóжого. Не бувъ же дідъ и скупий, — грїхъ сказати. Якъ-то въ містєцці Коломаці будували цєрку, не доставало казни, приходилось покинути. Порішили йти до діда, повідали ёму свою бідү. Довго дүмавъ дідъ, а потімъ вставъ мовчки, пішовъ по пасіці, та й принієть тїсячі зо дві, звелївши записати въ книжку такъ: «Получено відъ *Богу звісного*.» Не хотївъ вінъ, бачите, слави. Опє вб'є сóтню й другу, продасть медъ и віскъ, наберє такі-чима́ло грошей, то щó на домъ Бóжий, на біднихъ, а остáнні заховá.

Разъ прихавъ я до ёго, щобъ-то позичити грошей. Першъ дідъ ропитавъ менє: на віщо? «На що тобі, батьківъ сїну, гроші?» каже дідъ, чи не на витребєньки пáньскі? Не дамъ, дáлебі не дамъ! — «Та ні, дідусю! трапляєтця по вигóді прикупити ліскү й земєльки.» — Дідъ довгєнько балакавъ зо мною, усє допитувався, щó я б́уду робити съ тимъ лісомъ та землєю, а далі й каже: «Піди жь, сїну, розгромáдь у сінцяхъ въ кутóчку пóвіль; що найдешъ — принесєшь.» Порївся, знайшовъ ўзликъ зъ стомá червінцями. — Ке лишєнь глекъ, що у запічку. Взявъ я и той глекъ, повніснький вїхтїв, трісóкъ и гліни, витрусивъ — покотилось ще зъ сóтню. — «Ищє жь підїми, спасибі тобі, оттої крайній вўликъ.» — И тамъ налáпавъ я съ пятдєсáть. «Б́удє съ тебе?» — Квитківъ дідъ не бравъ; каже: «Якъ ти Бóга боїєся, то віддасі, коли б́удешъ мати.»

Бачє дідъ, що не настáче грошей для уцўківъ, розсудїв купити ґрунтá и ліскі. Поїхавъ вінъ б́рати кўпчу у губєрнію. Та й довго вінъ збїрався у ту дáльню доро́гу, верстъ за 50: дужє не хотїлось ёму покидати пасіку! Перегледївъ ко́жний вўликъ по дєсáть разъ; мовъ прощавсь. Посадїв менє, та й довгєнько мині роскáзувавъ, щó и якъ робити. Ажъ тїжко зітхнўвъ, якъ сївъ на вїзъ: такъ-то вінъ кохався у тихъ бжóлахъ. У Хáрькові сказáли дїдові, що трєба дати якóмусь судовикові палáцкому пятдєсáть карбóванцівъ за кўпчу. «Зá що?» гукнўвъ дідъ. «Не дїжде! та я лўчче ті гроші де-небудь дїну.» Жде та жде, обрїдло ёму; а бїльш тогó — засумувáвъ за пасікою. Купивъ б́улку, та й пішовъ досудовика; вклонївся ёму, положївъ на стїль

бўлку и звёрху карбóванця. Судові́къ якъ побачывъ те, такъ и визирився на дїда. «Що ти, каже, глузувати зъ мене, сякій та такий жуване! Якъ не сто рублівъ, то й кўпчоі не матиметь.» — «Нехай я й жуванъ, одвітуе дїдъ, та зъ своєї праці; а въ твоімъ каптанці не одна кровопійка!» — Узївъ бўлку и карбóванця, та мовъ про се́бе й каже: «Піду до старшого; сунтаю: коли воно закономъ постановлено давати отгїмъ драшїкамъ, то я й дамъ, сїлькись.» Баче судові́къ, що сей дїдъ не абї-якій, що хто ёго зна! може, й справді нарóбе халеси; вернўвъ ёго, віддавъ кўпчу та вже не взявъ ні хлїба, ні карбóванця... «Нї, каже дїдъ: другїй разъ не виманишь мене зъ моєї пасїки: тамъ тїльки я й у-довóлі. Цуръ їмъ отгїмъ городамъ та драшїкамъ!»

Алєжъ ще разъ пришло́сь дїдові возитись изъ драшїками. Підбївъ ёго одїнь сутїга до по́зву. Недалечко відъ пасїки бувъ лїсь одного пана, звався вінъ Чичебóевимъ. Той сутїга натўржавъ дїдові, що той лїсь належить до ёго роду, такъ для того вінъ мўсентъ ёго одтягати відъ пана, щобъ опїсля унўки не рёмствували, що дїдъ упустивъ родову лїдївщану, бо не латше звётця той лїсь Чичебóевимъ. Довго мїй дїдъ мїввся, радївся; а потїмъ каже томۇ сутїзі: «Колї ти мене не дўришь, то починай дїло. Зъ мене бўде й пасїки; а це для унўківъ.» — «Добре, каже сутїга, тїльки трéба грóшей» — «А скїльки?» — «Та на першїй разъ карбóванцівъ зъ сóтню.» — «Дарма, на тобї двадцять червїнчиківъ, та гляди мїні!» — Пішло дїло та, мабуть, лїтъ зъ дэсять волочилось. Панъ, якъ мавъ бумáги на той лїсь, то й вигравъ, а дїдъ потративъ тїльки червїнчиківъ чимáло. Сутїга прощавъ десь, якъ у воду впавъ. Не дўже сумувавъ дїдъ: пасїка вернўла ёму ті грóні.

Оттакъ живъ собі дїдъ Чичба: лишнєго не трáтивъ, обдїлявъ и церкві, и бїднихъ; нїхтó на ёго не жалкувавъ. Ажъ-ось, позвавъ мене дїдъ та й каже: «Отъ колї прийшло́сь мїні покидати зовсїмъ и пасїку, и свїтъ!» Пославъ я за попомъ: свовїдали, причастїли ёго... Показавъ вінъ ўзлигъ, завязаний въ сорóцї; давнó вінъ ёго носївъ. «Оцїмъ, каже, поховайте мене: це ті грóші, що одїнь бїдолаха позичавъ у мене на хазїйствечко, та черезъ двадцять лїтъ віддавъ мїні. А все остáнне моїмъ унўкамъ.» — Якъ умеръ вінъ, то знайшли въ тїмъ ўзлиці дэсять червїнцівъ. Кїнулись унўки дїлити пасїку, та переносити, — не остáлося и слїду... Не швидко після того, одїнь изъ унўківъ дїдовихъ хотївъ узяти дóшку, де стоявъ имшеникъ, піднявъ її и знайшовъ пятьдэсять червїнцівъ. Прожили унўки того Чичбаби и свою, и

дідову худобу, та й зледацїли. А діда и досї згадують и молять Бѣга за єго дѹшу...

Отъ теперѣ, коли хочете, и нема такихъ пасїшниківъ. Такї одно тѣ, що не влїють пильнувати коло бжїль; а друге—лѣдвє заворушитца копїйка у кишєні, заразѣ-такї на рѣскїшъ; щобъ и смашно ззїсти, гярно зодїгатись; відкїль вїзьмугця прїмхи городяньскї. Дивїсь—я переведѣтца пасїка нї на що. Теперѣ хто має пнївъ зъ сѣтню, оттой и багатїрь. »Нейде вѣ рѹку, кажуть, та й годї!»

Дѣвго шукали грѣшей діловихъ по тїй пѹцї, де була єго пасїка; порїли лѣдвє не всю зѣмлю, по-пїдъ дубами, скрїзь вїлазили—не знайшли нїодного червїнчика. »Заклявѣ, кажуть, щобъ нїкому не досталось; абѣ положивъ зарїкъ, черезъ кїлькїсь рїкъ той знайде, кому дїдъ назначивъ.« Та мнї здаѣтца, що и сиравдї лучче, щобъ дїгамъ достались грунтá, лїсѣ абѣ пасїка, нїжѣ ті грѣші; то якъ дарѣмнї, то швидко розвїютца...

Кузьма Шаповаль.

(Записано вѣ м. Коломаці, 12 апрїля 1861 року.)

СЕМЕНЬ ПАЛІЙ.

(Записано одѣ Тараса Яровѣго, изъ селá Красної, Василькївського повїту, 1847 р. Яровѣму було годї 83 годѣ.)

Вѣ Мотовїлівцї колїсь живѣ собі зъ жїнкою, зъ дїточками чоловічѣкъ. Разѣ вїїхавъ вїнь орати. Орѣ вїнь да прѣситѣ Бѣга, щобъ хорѣе вродїло. Жїнка обїдатель єму принесла; чоловікѣ и пообїдавѣ, да все працюѣ. Отъ, надѣ-вечїрь, чѹє вїнь, що плугъ єго за щѣсь задѣржався. Дївїтца—якãсь здоровѣнна трупья голова. »Гѣсподї Бѣже мїй! се, вїдно, якá-нѣбудь лицарѣська голова«, подѹмавѣ чоловікѣ. »Не дѣбре, якъ вона бѹде валїтись по полю; трѣба її закопатѣ на цвїнтарї и одслужїтѣ панахїду за дѹшу умѣршого«.

Подѹмавѣ-погадавѣ, а тимъ чãсомъ сѣнечко зайшло. Чоловїкѣ обережно положивѣ голову вѣ хѹстку и шїшовѣ до-дѣму, а дѣма положивѣ голову на лãвку и сївѣ вечеряти. Сїла коло єго и дїти и жїнка; поцїли вони галушѣкѣ чи чѣго Бѣгъ послãвѣ,—мѣже, и нїчѣго, опрїчѣ хлїба

святото, не лúчилося, — повечеряли, ветають, а жінка подивилась на голу, да й сказала:

— Оця голова, ма́буть, на своєму віку багацько хліба переїла.

— Бúде вона ще їсти, одказала голова.

— Эге, такъ ти таківська! говорить чоловік. — Не треба жь тебе нести на цвiнтарь да служити панахiду. Знаю я, що съ тобою робить.

Узявъ ii, винiсь за свiй вишневий садокъ, у чисте поле, розiклавъ багаття, и давай палить. А голова горiла-горiла, поки стала порохнею, такъ якъ отъ сахаръ. Подививсь чоловік и, Богъ знае съ чо́го, взявъ ту бiлу порохню въ хустину (на́че насмiявся надъ нею), принiсь до-дому и мовчки положивъ на полицю.

Незабаромъ, може, черезъ день, пішовъ вінъ съ жінкою до цёркви, а въ господi остались тiлько дочка да малий хлопець. Дочка вже и борщъ заставила въ пiчъ, уже и локшину зварила: сказано — день воскресний; оставалось тiлько посолить стра́ву, — такъ нема жь со́ли.

— Оттамъ, Гаю, на полицi лежить у хустинi щось бiле; ма́буть сiль, говорить братъ.

Сестра стала на лавку, взяла хустину, подивилась и говорить братовi:

— Не знаю, чи се сiль.

— Лизни, то и визнаешъ, ка́же братъ.

Вона́ покoштувала разъ — ни́чо́го, вдрúге, втрéте, и говорить:

— Оце́ якé нудне́! и положила зновъ на полицi.

Отъ, минае недiль дéсять, а може и бiльше, — упала дочка въ ноги батьку-матерi и говорить:

— Я въ тяжú; оттакъ бу́ло и такъ.

Почухавъ батько гiжку, поморщился: треба йти до пана да розказать усé, якъ бу́ло. (Тодi за такiй сóромъ дúже карали). Розказавъ усé, якъ бу́ло. Панъ одiбравъ одъ ёго хустку, а черезъ пiвъ-ро́ку дочка привела уже сiна. Охрестили ёго и назвали Семёномъ Безбатченкомъ.

Хлопецъ рiсь; уже и за волами ходивъ; якъ ось iхали въ Мотовилiвку Запорозци, що приiжджали говить въ Осокирки, и зманили хлопця въ Великий Лугъ. А въ Сiчi кошовий, замiтивши хлопця, взявъ ёго до себе въ молодпий. Служить Семёнъ, служить, а гонору ёму все-такiй нема. «Постойте, бúде и мiнi гоноръ!» подумавъ собi Семёнъ. Узявъ, спаливъ отаманський курiнь и вти́къ до-дому.

— Эге! такъ ти такiй! говорить кошовий: — захотiлось тобi гонору! Бúде съ хлопця лицарь, бúде!... А ну, панове-молодци, говорить вінъ

тимъ, що вивезли Семéна,—рушáйте за Семéномъ туди, звідкіля ёго взяли, и привозьте назадъ.

А Семéнь тимъ-часомъ сидить дома на печі.

— Мáмо! говорить, — снілось мiні, що прийдуть до мене изъ Січи козаки, привезу́ть мiні гóноръ и вiзьмуть изъ собою.

Мáти зiркъ у кватiрку, ажъ ужé Запорóзці и кóней на дворі підъ повіткою привiзують.

— Дóбрий тобі, говорить, сiнку, сонъ снiвся!

Семéнь тiлько засмiявся.

Отъ, явъ прихали вони вь Сiчъ, то кошовий и сказáвъ ёму:

— Ти, Семéне, еси козакъ дóбрий; тепёръ мáешъ ти и гóноръ; бiдешъ прозивáтись Палiёмъ.

Рáзь вiїхавъ кошовий на охóту, зъ Семéномъ; iздили вони дóвго и заїхали вь такé мiсто, що тiлько одні скéлі да пiщя. Ставъ при сóнці и чiстому нéбi грiмити грiмъ; а се архáнгель Гавриiль хотiвъ уби́ти пóлоза. Грiмъ удáрить, а пóлозь вiлiзе зъ скéлі, та й засмiётця.

— Эгé! оттакá ловiсь! сказáвъ Палiй, ухопiвъ сь плечá янчáрку, приложiвся, вiпавивъ—и на тiмъ мiстi, де покáзувався пóлозь, потекла смолá.

— Иди жъ ти тепёръ, куди знáешъ, сказáвъ ёму кошовий:—иди у свою краiну и рiжъ усiю нéхристь, бо ти еси чоловікъ угóдний Бóгу.

— Нi, бáтьку! кáже Палiй—не одпускай мене однóго, а пусти зо мною Искру, Кочубéя и Шмалькá.

— Дóбре, сказáвъ кошовий, и одпустивъ iхъ трéхъ изъ Сiчи.

А навпóслi вже Семéнь Палiй зробiвся пáномъ полковникомъ Хвáстовекиммъ, дóбре рiзавъ Орлú и Ляхiвъ, да Мазéна ёго стрáтивъ изъ завiдности, що Палiй величáли козáпкымъ бáтькомъ.

Оттáкъ народня невгамóвана фантазiя залплá вь мiюу свого кохáнца Палiй, що про ёго ще й дóсi виспiвають нашi лiрники, нiкчéмнi пьянiчки, не схóжi зъ своїми протоплáстами, котрiхъ самi жъ вони зову́ть *великими старцями*. Палiевi и родитись булá не честь, не подóба такъ, якъ усi люде... Разъ тiльки я чувъ сю мiюу одъ одного мáло не столiтнёго дiда, що бувъ у насъ пáсiшникомъ, одъ Тарáса Яровóго. Винъ зазнавъ и Запорóзцiвъ, якъ булó вони наiздiять у Богуслáвъ на ярмарокъ та, вь саетóвихъ штáняхъ, чи то вь гандéверахъ, кiдаютьця булó у цé-

беръ зъ дiгтемъ, — знайте мовъ менé, що мiнi всiке багатство — дурниця!

— Слiвнi були лицарi! говорить було, жалкiючи: — такi моторнi! Кiнi у нихъ дiбрi, одéжа знiтна, червiнци, дукати есть. Хоть и повiситъ котiрого, по своéму Мадабурьскому закону, губернаторъ — все гуляють. Одинъ танцюе, другий подопрéтца вь бiки руками да присiпуе: »Усь балабанський, чуприна черкеська, — не уважай, мiсци-панно, же фортiна кепська!« Ну, зруйнували Сiчъ, прийшло, виходить, время, и всiхъ Запорозцiвъ скасували, а послi зновъ збирали, дали iмъ Тамань на вiчнi часи сiсти. Та се (говорить було Тарасъ Яровий еъ притискомъ), се зробивъ Головатий. Винъ передъ царiцею три днi и три нiчi на однiй позi стоявъ, поки брiтчикамъ випросивъ зéмлю. Отъ и пiсня есть: »1792 року прийшовъ указъ зъ иницiри Петенбурха-города, щобъ панъ Чапiга и панъ Головатий збирали всiхъ Запорозцiвъ на Тамань сiсти.« Не памятаю бiльше: втекло багато часу; да у васъ, панiчу, все те вь книжкахъ есть.

II. Ревякинъ.

СТАРИННЫЙ ЮЖНОРУССКИЙ ПЕРЕВОДЪ

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ

СЪ ПОСЛѢСЛОВІЯМИ О ЛЮБВИ.

Это одинъ изъ немногихъ старинныхъ памятниковъ нашей литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ сборника, хранящагося въ Московской Синодальной Библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вѣка.

Блаженъ чоловѣкъ тое, иже будетъ чести книги сія, а вес слова тоя духовно разумѣваючи, а въ любовь Божию зъ нихъ ся запалаючи, ани што свѣтскаго, ани на похоти тѣлесныя своего ума, ани мыслей оборочаючи. Проклятъ тотъ, который бы тыи книги чоль, а тые бы слова на похоти женски собѣ складалъ а оборочалъ, запалаючи зъ нихъ къ нимъ въ милость, а говорячи зъ ними тыми словы, проводячи ихъ а розмвляючи на блудную похоть. Бѣда и горе чоловѣку тому! Лучше бы ему не родити, нижли того допустити. Но сама премудрость Бога, который же есть Сынъ Божій, складалъ есть самъ тыи книги черезъ уста мудрого Соломона, для милости своее, абы душа съ нимъ такъ умиловала, бо есть его невѣста и Онъ ее безсмертный небесный женихъ милый, самъ Христосъ Богъ. А 3-й книги царя премудрого рекомыи Пѣснь Пѣсень Соломона, о милости Божіи и любви.

Глава 1.

Гласъ невѣсты-души къ любимому жениху Христуу, отъ велико палимовъ любви въпсѣтъ къ нему, глаголя:

Цѣлуй мя цѣлованіемъ оустъ своихъ, бо лѣпши оустъ перся твои надъ вино, благовоннѣйши нижли ароматы мастїи налѣпшихъ, олен изліанныи имя твое; про то молодци миловали суть тебѣ, тягни мя по собѣ, побѣгнемъ въ добровонности мастѣи твоихъ. Оувель мя естъ царь до виницъ твоихъ; радоватись будемъ а веселитись въ тобѣ. Памятливый будучи персен твоихъ надъ вино; прави и милоуютъ тебѣ.

Гласъ души къ събору святыхъ:

Чорна есмь, але красна дѣрепъ Иерусалимскихъ, яко станы кедра, якоже то кожа Соломонова. Недбайте мя знаменати, же смѣда есмь(?); бо мя естъ слнце на бервѣ промѣнило. Сынове матере моее боіговали соуть противо мѣѣ, поставили мя соуть сторожемъ оу винницахъ; винници мои не оустерегала есмь.

Гласъ святой церкви а набожной души къ жениху Христу:

Рка же ми, егоже милуеть душа моя, гдѣ пасѣшь, гдѣ отпочиваеши о полудне? Ать ся гулять не потноу по стадахъ товаришовъ твоихъ.

Гласъ Христовъ къ церкви святой а невѣсте милой души:

Не знаешь ли себѣ, о прекрасная межъ жонами? выиди, иди и послѣди стада, а паси козлы твои подле стапъ пастырскихъ. Ездьдомъ монмъ оу возехъ фараоновыхъ прировнала есмь тобѣ, пріетелко моя; красны соуть ягодки лица твоего, яко горьлинка, шіа твоя яко златое монисто; сноурки золотыи оучинимо тобѣ перевяныи серебромъ.

Гласъ церкви а души о Христе:

Коли есь былъ царь оу ѣдлѣ, пардусъ мой даль естъ вонность свою, снопокъ мирры милыи мои мѣѣ, межъ персей моихъ пребывати будеть; грезнь кипреки милыи мои мѣѣ оу винницахъ Екгади.

Гласъ Христовъ къ церкви а къ души:

Ой, красна еси ты, пріетелко моя милая, очи твои голубиныи.

Гласъ церкви а души къ Христу:

Ой красны еси ты, милыи мои витежный! Постеля наша красна свѣтлостію, покрытье домовъ нашихъ кедрово, склепове наши кипарисовы.

Глава 2.

Гласъ Христовъ акъ церкви святой а души боголюбимой:

Я квѣтъ полнын а лиля оудольняя! яко лиля межъ терніемъ, такъ милая моя межъ дочерями.

Гласъ церкви къ Христу, своему милому жениху:

Яко же то яблонь межъ дрѣвемъ леснымъ, такъ милыи мои межъ станы подь гнѣемъ, его же то есмь жадала. Съдела есми, а оwoцїе его сладко горлу моему. Оувель мя естъ царь до винничного покоя, изрядил естъ въ мѣѣ любовь. Отгнайте мя квѣтїемъ и осыпайте мя яблоки, бо отъ великое милости не могу; лѣвица его подь главою моею, а правица его обонметъ мя.

Гласъ Христовъ.

Заклинаю васъ, дщери Ерусалимскія, черезъ олени а серны полныи, абы-
сте не будили, ани прочютити казали милое мое, докуль сама въсхочеть.

Гласъ церкви Божее, всякая душа любящая Бога, того дѣля
зоветься невѣста Христова.

Голосъ милого моего; а и тотъ то есть пришлоъ, скачючи по горахъ а перескачиваючи погорки и холмы; подобныи есть мильи мои серне а ланя-
ти еленему. А и онъ то стоитъ за стѣною нашею, смотрячи сквозе окна а преглядаючи черезъ боронки. А мильи мои мовилъ ко мнѣ: встань, по-
спешись, пріетелко моя милая, голубичко моя красная, а понди; бо оуже зима поминоула, преваль лютости отшолъ и отступилъ, квѣтіе оуказалось
оу нашей земли, часъ обрезаванія винницъ оуже есть пришлоъ; голосъ
горлячинъ слышанъ есть въ земли нашей; оиникъ выдалъ есть первые
овощи свои, винници квітучи дали суть вонность свою.

Гласъ Христовъ къ церкви святой души, къ своей милои не-
вѣсте:

Встань, милая моя красная, а понди въ дѣрахъ скальныхъ а въ печеркахъ
каменя, оукажь ми тварь твою; ать звинить голосъ твой въ оушю мою,
бо голосъ твой сладкій, а тварь твоя красна.

Гласъ церкви святой противъ кацкромъ а еретикомъ:

Зымайте намъ лисенята малыи, которыи жъ то казять винници, бо вин-
ница наша квітла есть.

Гласъ церкви святое души къ своему жениху Христу:

Мильи мои мнѣ, а я ему, ежь ся пасеть межн лиліями, докоуль ся день
не наклонить а не оухилиться тѣневе; не враться, мильи мои, подобень
буди серне алюбю ланяцьку еленему на горахъ Веель.

(Глава 3.)

Гласъ церкви и святыхъ душъ выбранныхъ съ погановъ въ не-
вѣсты къ своему милому жениху Христу, обручены жъ
ему върою и любовію:

На ложи моемъ въ ночи глядала есмь, егоже милоуетъ душа моя; искала
есми его, а не нашла. Встану а обоиду мѣсто по рынцѣхъ, а по оулицахъ
искати буду его, егоже милоуетъ душа моя. Искала есми его а не нашла
есми; знашли мя соуть стороже, которыи жъ то остерегали мѣста.

Въ церквахъ невѣстныхъ души по Христе ся пытають:

Ци выдали есте, егоже милоуетъ душа моя маленько? Коли жъ есми про-
минула есми? Нашла есми, егоже милоуетъ душа моя, держала есми его
аняжь его пуцоу, аляжь его въведу до дому матере моея.

Гласъ Христовъ о своей невѣсти души:

Заклинаю васъ, дочки Иерусалимскія, черезъ серны а елени полные, абысте не будили, ани прочюгити казали милое моее, докуль бы сама олижъ хотѣла.

Съборъ святыхъ пытаеть о души а о церкви святой въ рекучи:

Которая есть то тая, жъ то оуступаетъ чересь поустыню, какъ бы сполпъ домныи зъ добровонныхъ рѣчей мирры а ливана а всякого порохоу миро-положного апатекарева, зложеного зъ разнолистныхъ зеленъ?

Гласъ церковный а души о Христвъ, о своемъ миломъ женихъ.

Ложе Соломоново 60-тъ мощныхъ обѣступили изъ насилнѣйшихъ Израильскихъ. А вси держачи мечи а къ боемъ велми оумѣлыи, а единого кожного мечъ на бедрахъ его про страхи ночныи.

О Христвъ душа говорить, повѣдаючи:

Престоль, вечерядло оучинилъ собѣ царь Соломонъ зъ древа ливанова, столпы его серебряны, оучинилъ опочивало золотое, ступени златые зъ особное милости и любовное, распостерлъ есть про дщери Иерусалимскіи.

Гласъ церкви святое о Христе:

Выйдете, дщери Иерусалимскія, а огладайте царя Соломона въ корунѣ, которю жъ есть короновала мати его въ день веселія сердца его.

Глава 4.

Гласъ Христовъ къ своей милои невѣсте церкви души, похваляючи и говорячи къ ней такъ:

О коль красна еси милая моя, коль красна еси! Очи твои голубиныи кромъ того, што ся внутрь таять, волосы твои яко стадо козъ, которыи жъ ступали зъ горы Галаадъ; зубы твои яко стадо остриженныхъ овецъ, котори жъ суть вышли зъ мытели, вси маючи по двою ягнятокъ, а ялова не есть ни жадна межи ими; яко сноурокъ черленыи оуста твоя, сладка, якоже то оуломокъ райского яблока, такъ ягодки твоего лица кромѣе того, штожъ ся оунутрь таить, яко вежа Давидова шіа твоя, которая жъ то есть оудѣлана зъ дѣлы пушечными, а щитовъ висить изъ нее и всякій горнашь мощныхъ; два сесца твоя яко два телятъка дикои козы близнятка, яжъ ся то пасутъ на къринохъ лиловыхъ. Докуль ся день не наклонить а не схилиться тѣневе, понду на гору мирры а на погорохъ кадила Ливанова. Вся красна милая моя, а поскверны нѣтъ на тобѣ. Подъ отъ Ливана, милая моя невѣста, подъ отъ Ливана, подъ а будешь корунована, поченши отъ головы а маючи на верху Саниръ а Гермонъ зъ отъпочиваль львовыхъ. Уранила еси сердце мое, сестро моя милая невѣсто, оуранила еси сердце мое однимъ възгляднѣниемъ очію твоихъ а оудномъ влосу шіи твоен. Коль красны суть

перси твои надъ вино, а воия мирра масти твоихъ надъ вси добровонныи рѣчи, стѣнникъ жъ каплють оуста твоя, милая невѣсто, медь и млеко подъ языкомъ твоимъ, а воия одѣянія твоего яко воия кадила Ливанова. Огородокъ замкненный а источникъ запечатанный; выпуканія твоя раи зернятыхъ яблукъ со овоцомъ яблоннымъ, куврове съ пардомъ, нардь съ сахаромъ, фистула а циномонъ со всякимъ древомъ Ливановымъ, мирра, аллое съ всеми первыми мастями; колодязь затверженный про глубину водъ живыхъ, которыи жъ текутъ быстриннами прудкостію отъ Ливана.

Гласъ церкви, невѣсты Христовы милои души.

Встань, вѣтре, отъ полночи, а встань, вѣтре полуденный, провеите огорожокъ мой, мироположныхъ апатѣкъ добровонныхъ рѣчей ее.

Глава ѿ.

Душа опять ко Христу говорить:

Привди, милыи мои, до заграды своеи, а ежъ овоци яблоней своихъ.

Христосъ къ души говорить:

Подъ до огорода моего, сестро моя милая невѣсто, пожалъ еси мирру мою зъ добровонными рѣчами моими. Ель есмь стѣнникъ меду моего, плъ еси вино мое съ молокомъ моимъ.

Голосъ Христовъ посполито къ всемъ вѣрнымъ:

Еште, пріетели мои, а оупиваетеся, намилейшии мои; я сплю, а сердце мое чюеть.

Опять душа ко Христу говорить:

Голосъ милого моего, толкучего до менѣ: отвори ми, сестро моя милая, голубичко моя непоскверненная! бо голова моя полна есть росы, а челюсти мои кропенъ ночныхъ.

Сволокла еси къ себѣ сукню мою, какъ ся въ нее оболочу? оумыла еси ноги мои, какъ ихъ измараю?

Тоу опять душа съ великою жалостію ко Христу говорить, всповедуючи свои пригоды:

Милыи мои стягнуль ешь руку свою сквозе дирю, а брюхо мое задржало ешь зъ доткненія его. Встала есмь, абыхъ отворила милому моему; рuce мои капали суть мирру препскушеноу, заклепъ дверей моихъ отворила еси милому моему; але сонъ ся оуже былъ оухилль, отошолъ; душа моя расплылася ешь, коли мовиль къ мнѣ милыи мои, глядала есми, а не нашла еси его, кликала есми, а не озваль, ми ся. Знашли мя суть сторожеве, которыи жъ то суть обхоживали мѣсте, били мя суть и ранили, и взяли ми плящъ мои сторожеве мура. Заклинаю васъ, дщери Иерусалимскія, найдете ми моего милого, абысте ему оузъявили, же отъ великое млости по немъ не могу.

Гласъ збору святыхъ къ невѣсте Христове церкви святоѣ ими-
лон души:

Таковыи есть млыи твои любимыи, о накрашшая жь жонь, каковыи
есть любимыи твои, же еси насъ такъ заклала?

Душа отповѣдаетъ святому збору о своемъ миломъ жени-
сь Христь, выповѣдаючи его кросоту и сличность во подобен-
ствахъ размонтыхъ рѣчей:

Млыи мои бѣлыи а червеныи, выборныи исъ тисячей; голова его золо-
та, налѣпшее чело его, яко листіе палмовое, черны яко гаврань, очи его
яко голубины надъ потоки водными, которыи жь суть молокомъ обомыты
а сѣдять подде полныхъ быстринь, ягодки лица его яко заградки добро-
вонныхъ рѣчей, посажены отъ апатекаревъ. Оуста его лиліа капаюча мир-
ру первую, руцѣ его оуглажены златы, полныи цинтковъ; брюхо его сло-
ново, передѣлено шаерми, голени его столнове морморяны, которыи жь
то соуть оуставлены на подкладахъ златыхъ, тварность его свѣтлость Ли-
ванова, выборныи яко кедръ, горло его пресладко, а весь възжаданыи, Та-
ковыи и ти есть мои млыи, а тотъ то есть любимыи мой, дщери Иеру-
салимскіа!

Глава 6.

Гласъ збору святого къ невѣсте Христове а къ милои души:

Камъ есть отшолъ млыи твои, о накрашшая зь жонь, камъ ся есть оухп-
илъ млыи твои, а будемъ его глядати съ тобою?

Душа отповѣдаетъ напротивъ збору святому у своемъ миломъ
женихъ Христе:

Млыи мои ступилъ есть до заграды своен, на мѣстцѣ благовонныхъ рѣ-
чей, бы ся паслъ у заградахъ а лиліе збиралъ, а милому моему, а млыи
мои миѣ, еже ся пасътъ межи крыны лиліами.

Тотъ оцять Христь говоритъ къ своен милои невѣстѣ церкви
души, похваляючи юзъ ее добрыхъ дѣлъ а приподобляючи ю
многимъ размонтымъ рѣчамъ:

Красна си, млыя моя, сладка и витяжна, яко Иерусалимъ, грозна, яко спица
къ боу сряжена! Отврати очи твои отъ менѣ, бо тыи соуть ми учинили,
абыхъ улѣтель; волосы твои яко стадо козь, котороежъ то ся оуказало
зь Галаадъ, зубове твои яко стадо овецъ, которыи жь суть вышли изъ
мытели оумывальное, вси по двою ягнатоку имуще, а яловое ибѣтъ межи
ими; яко кожа рапскаго яблока, такъ ягодки лица твоего, кромѣ танныхъ
рѣчей твоихъ. 60 есть царевень а 80 моужнихъ жонь, а молодежиамъ ибѣтъ
числа, одна есь, голубко моя доконалая моя, едина есть матери своен, вы-
брана родительницы своен (!). Видѣли соуть дщери Иерусалимскіа есть а

(!) На полъ противъ этихъ словъ приписано: Пречистѣй Дѣвици Маріи ра-
зсумнѣй.

преблагословеную соуть ю зывали царевны, а мужніи жоны хвалили соуть ю. Которая есть то та южь, ся береть яко заря поустоваючи, красна яко мѣсяць, выборна яко солнице, грозная яко спица къ бою зряженаа?

Душа говорить отъ великои радости къ збору святомуу:

Стоупила есмь до заграды орѣховое, абыхъ оглядала яблока оудольная и осмотрела, кьвитуть ли винници а распложають ли ся ябьлока ранска? Не вѣдала есми, душа моя засмутила мя про возы Аминодавовы.

Христось къ души говорить а къ церкви, въ бѣдахъ, въ напастяхъ и въ покусехъ будоучей отъ свѣта, отъ тѣла, отъ диавола, приводячию опять къ собѣ а рѣкучи:

Навроться, навроться, Суманьянони, навроться, навроться, ать на тебе смотрю.

Глава 7.

Душа отповѣдаетъ ему велми жалобне; Богъ бо такъ хотѣлъ кого онъ милуетъ, того и казнить тоуть, на томъ свѣте; яко злато оу огни, тако ю искушаетъ здѣсь многими скорьбами и бѣдами розмонтыми и печальми, а про тежь она повѣдаетъ а рѣкучи такъ:

То иного видишь на Соумянтянини, одно заступы боюющихъ?

Тоу Христось опять отповѣдалъ ей, тѣшачи ю а милыми словы похваляючи ю за то, што его ради миле вси бѣды тья и напасти и покусы на нее пренущонныи зъ доброю волею, то все есть претерпѣла; а мовячи къ ней такъ:

Коль красны суть ходы и ступанія твоя увъ обуви, дщери княжати! Связкове бедръ твоихъ якоже то запонки, которыи жь то соуть скованы руками золотарьскими, и поупокъ твои яко рѣничка оуглаженная, николи не требуючи напоевъ, брюхо твое яко стогъ шенячныи, обложенныи лилами, два сосца переѣи твоихъ яко двое телятокъ ближнитокъ дикое козы, шіа твоя яко вежа слопова, очи твои яко рыбники оу Зевоне, которыи жь то соуть оу брони дщерь множества, носъ твои яко вежа Ливанова, якъ то зреть противу Дамашку; голова твоя яко Бармилъ, а волосы головы твоеи якъ багоръ златъ-тканыи царевъ, причиненыи къ жолобомъ. Коль красна и витяжна намплешая оу роскошахъ! а постава твоя приподобана есть палмѣ, а сесца персеи твоихъ грезнови винному. Реклъ есми: оуступлю на палму а похвачю овошіе ее; и боудуть персеи ее яко гронове виннишніи, а вони оустъ твоихъ яко ранскихъ ябьлокъ, горло твое яко вино наиплешее.

Свѣста Христова душа тоуть о своему милому женисѣ Христѣ такъ говорить:

Годио милому купити, а оустемъ и зобомъ его къ пережюванію. Я милому моему, а ко мѣ оборочаніе его.

Тоуть душа ои ть, познавши милость а любовь своего милого жениха Христа къ собѣ, тыми словы говорить къ нему.

Понди, милыи мои, а выидимо на поле пребыва въ селехъ, рапо встаньмо до винницъ а осмотремо, сквитла ли есть винница, расплодили ли соуть квѣтъя овощїи, зацветли ли соуть оуже раиска яблота? Тоуть дамъ тобѣ перси мои. Мандрагоры дали чуть волю свою, оу бронахъ нашихъ вся яблота новая, и ветхая, милыи мои, сховала емь тобѣ.

Глава 8 а остаточная тыхъ то милыхъ книжокъ.

Тоуть то душа, милая невѣста Христова, распалившися великою любовїю а горячею милостїю къ своему милому жениху Христу, желаючи оуже съ нимъ быти на вѣки въ небѣ а хотячи его видѣти лицемъ въ лице, а про то жь чересъ наборное размышление а оумное боговидѣние къ нему тыми словы говорить, просячи а молячися ему:

Кто ми ты дасть братца милого моего, ссучего перси матки моея, абыхъ ты знашла на дворѣ а поцеловала ты; а оуже мною тогда ни жодинь не погордїти, а оухвачю ты и поведу до дому матери моея а да покоинка родительниця моея: такъ ми будешь оучити, а я дамъ тобѣ напои зъ вина складанаго а смакъ раискихъ ябокъ моихъ; левица есть подъ главою моею, а правица его обонметъ мя.

Голосъ Христовъ къ збору святыхъ о своей милой невѣстѣ души:

Заклинаю васъ, дщери Иерусалимскїи, абы есте не будили, ани прочютити казали милое моея, докуль бы олижъ сама хотѣла.

Голосъ збору святого къ невѣсте Христове, дивячися о ней а таючися, тыми слова рекоучи:

О которая есть тая, жь то оуступаетъ съ пустыни, роскошми ся размогаючи, возлегши на милого своего (1)?

Голосъ жениховъ къ невѣсте:

Подъ деревомъ яблонвымъ оубудиль есмь тебѣ; тоуть порушена есть matka твоя, тоуть растлѣна есть (2) родительница твоя.

Къ души Христосъ говорить, выповѣдючи ей, какъ есть мощна милость его съ нею, какъ пожиточна есть ей къ спасенїю ея:

Положъ мя яко печать на сердци своемъ а яко знамя на рамени твоємъ, бо есть силна яко смерть милость, а твердо яко пекло желанїе, лампы ея

(1) По славян. «утвержаема о братъ своемъ».

(2) По славян. «поболь тобою».

яко лампы пламенные а огнены; воды многи не могли соуть оугасити любви, ани рѣки затопити ее; коли дастъ человекъ все што имѣеть за лю(бо)вь — и будетъ яко же бы ничтоже погубивъ.

Церковь святая говоритъ къ душамъ, которыи теперь ново починають миловати Христа, въ вѣръ еще боудучи несовершенни, ани досконали, а рекучи:

Сестра наша маленька а персеи не имать; што оучинимъ сестре нашей въ день, коли жъ то маеть быти намовлена алюбо смовлена?

Самъ Христось отповѣдаеть за нее, а рекучи:

Если муръ, влаимо жъ(?) на ней пушки серебряныи, пакъ ли суть двери, огородѣмъ же ихъ порканы кедровими.

Душа невѣста Христова, которая жъ ся Бога размиловала, говоритъ:

Я есмь муръ, а перси мои яко вежда; занеже есмь оучинена предъ нимъ яко покои надееныи.

Святини о церкви Христове и его милои невѣсте говорить тыми словы, рекучи:

Винница была есть покоиному, которая же то маеть люди; даль есть ю сторожемъ. Мужъ приносить за овощи еѣ 1000 сребрениковъ.

Христось говоритъ о своени невѣстѣ святой церкви:

Винница моя предъ мною есть: 1000 твоихъ мирныхъ а съ тыхъ, остерегають которыи овощей еѣ.

Голосъ Христовъ къ блаженной а къ святой души, которая ему набожне безпрестани служить, во дни и въ ноци молячись ему въ псалмѣхъ и въ пѣснехъ и въ пѣнгахъ духовныхъ, а въ всемъ волю его чинячи, а надъ все толко его самого вѣрне милуючи, ани о што о иное на томъ свѣтъ дѣбаючи:

Которая живешь оу виноградѣхъ милого, послушаю голоса твоего; дай ми его слышати.

Душа отповѣдаеть къ своему милому жениху, просячи его, абы ее оуже съ того свѣта взялъ къ собѣ въ горнее царство небесное, гдѣ есть солодость всякия во ни благоуханія божественного и великая радость, небесное веселіе неизрѣченное и вѣчнаго живота оутѣшеніе, и милости божіа и любви его сладкое насыщеніе а конечнее съ милымъ Богомъ, своимъ милымъ женихомъ, вѣчное съ нимъ милованіе и оутѣшеніе:

Понди, милыи мои, а опиривнаися дикои козе а лаятку еленему на горахъ благовонныхъ рѣчеп.

Потомъ конецъ тымъ милостнымъ книжкамъ. Кто ли хочеть съ милымъ Богомъ вѣчно ся случити въ милости его а въ любви, а съ нимъ ся вѣчне миловати а радовати въ его небесномъ царствіи, то каждый радуяся то прочитан и тыи святыи милыи книжки его, а разумѣи тыи слова вси духовно, а ничего тѣлесно, а што ниболши можеть — распайяся тыми словы въ его святую божественую милость и любовь въ размышленіи своего богомышленія, въ его боговидѣніи многозрѣніа. Такъ будешь оумъ зряи Бога, и будешь ему милъ, а онъ тому сладокъ; бо ништо есть такъ оудачно Богу отъ насъ, яко милость а любовь къ нему имѣти, а съ того приходитъ и къ ближнему любовь и до оубогихъ милосердіе. Бо въ тои заповѣди зъодной любви весь законъ ся Божий исполняеть и его воля и хотѣніе въ насъ. Занеже вси святіи оу ветхому законѣ и въ новому оугедили ему тымъ, ижъ его вѣрне миловали и съ правои души. А то все брали науку съ тыхъ святыхъ книжокъ его, распаливаючися къ нему въ его милость и любовь, а про тожъ нынѣ суть съ нимъ въ его небесномъ царствіи, съ нимъ радуючися а веселячися, а его сладкія милости поживаючи въ вѣчномъ утѣшеніи живота вѣчнаго на вѣки вѣковъ.

То чего то для писано: иже самъ Богъ любовь а милость, а хто коли пребываетъ въ любви, тои въ Бозѣ пребываетъ, а Богъ въ немъ; а гдѣ есть самъ Богъ, и онъ съ нимъ маеть на вѣки жити; гдѣ есть наболшая радость вся, наболшее веселіе, наболшая оутѣха, великая милость, соладкаа любовь, вѣчное оутѣшеніе, вѣчное радование и вѣчное житіе а вѣчное зъ Богомъ милованіе а всего доиспольненіе добраго и вѣчныхъ благъ наслаженіе, опловитая роскошь, безмѣрная свѣтлость, любезная ясность, любезное житіе, воли досыть оучиненіе, хотѣнію и конецъ, желанію полученіе милое, съ всеми святыми миловаше, а съ своими любовными знаемыми други, которыхъ тамъ Богъ сподобитъ, любовное любованіе а вѣчное съ ними оутѣшеніе, а милости Божія и любви его безконечное сладкое насыщеніе; и што еще о семъ, подолживая, слова многа говорю? Гдѣ есть Богъ, тамъ всего добра полно и опловито, » все въ всемъ, всего всехъ въ семъ единемъ Господи нашемъ Иисусѣ Христѣ, миломъ небесномъ женисѣ, найдемъ всякого добра полность, радости и веселія, оутѣшеніе, наслаженіе, милованіе любви, а желанія насыщенія, просвѣщенія прославленіе, хваленія, славословленія, цѣнія, «⁽¹⁾ благодаренія, благословенія, чит. съ величія, вѣчного утѣшенія, боговидѣніа, боголюбленія, боговаслажденія а конечного богонасыщенія. О великая радость а

⁽¹⁾ Слова отмѣченныя ковычками, написаны въ рукописи почеркомъ отличнымъ отъ того, которымъ писано все сочиненіе. Н. К.

невѣроятная доброто! О безмѣрная сладкая оутѣха того милого небесного жениха, прекрасного, вождельнаго, сладко-любимаго, милого Иисуса! Котороеждо радости а милости ни око видало, ни оухо слышало, ни на сердце челоуѣку въсхоживало, што Богъ оуготовалъ однимъ только любящимъ его, которіи его здѣ на семъ свѣте миловали вѣрне. Нужь оуже, милая невѣсто Христова, набожная, вѣрная, боголюбимая душе! Колижъ ся его такъ велико розмиловала своего милого прекрасного жениха, того любимаго небеснаго царя, желаемаго сладкого милого Иисуса, милоючи его съ правой души, со всего сердца и всимъ помышленіемъ твоимъ, — роепали жъ ся оуже къ нему великимъ твоимъ любленіемъ а горячимъ твоимъ сердечнымъ милованіемъ а сладко рачительнымъ желаніемъ, тужачи по немъ и жадаючи велико къ нему съ великимъ бо-лестнымъ въздыханіемъ сердца твоего, говорячи къ нему съ тыми словы милыми, а рекучи такъ:

Сладкая молба. О Иисусе сладкій, души моя оутѣшеніе и моя великая милосердная надѣже, помилуй мя! О милосердіе твое, души моеи радость и веселіе, спаси менѣ! О оутѣхо мая милая, души моеи сладкая любви и милости моя ненасытная, обрадоуй мя, своего раба, радостію неизрѣченною въ небесномъ твоємъ царствіи, достойно ми дароуй тамо ясно оузрѣти твое святое божественное пресвѣтлое, любимое, сладковѣждельное милое лицѣ, ибо внутри менѣ сердце мое всегда горитъ къ тобѣ и тужачи по тобѣ, милостію любовною къ тобѣ всегда полаючи. Боже мой, желая насладитися сладкіа твоя любове и милости насыщенія твоего, божественнаго предивнаго насыщенія и всесладкаго твоего любленія. О всемилостивыи мой, прекрасныи и възжегѣльныи, сладко милыи мой, мнѣ вѣрно милыи Иисусе, яко ты еси все желаніе мое, весь еси сладость моя а милость моя ненасытнаа. О всемогущаго Бога Отца Божіе слово Дѣвы Маріа прекрасныи милыи Боже, Боже богомъ, Господи святыхъ, святыи, пресвятыи, любовныи мой, милыи, прекрасныи женише! приими же отъ менѣ сіе хваленіе и моленіе, мое словесное служеніе, плодъ оустень нашихъ тебѣ въ жертву живу, святу, богоугодну, въ волю благоуханія, и освяти ю духомъ твоимъ святымъ, и прости мя за то и освяти, прослави въ небесномъ твоємъ царствіи; достойно ми даруй тамо ясно оузрѣти ми твое святое божественное пресвѣтлое лице, и насыти мя сладости твоя, божественныи сладкіа любве, наслажденіемъ, оутѣшеніемъ милости въ насыщеніи оныхъ твоихъ вѣчныхъ благъ, наслажденія сладкаго мира и любви, живота вѣчнаго и радости великои, и въ веселіи мноземъ

съ мудрыми твоими дѣвами въ ономъ твоємъ прекрасномъ, небесномъ, пресвѣтломъ, ясномъ божественномъ чертозѣ, съ ними ми вкупѣ ликовати и царствовати и вѣчно ся оутѣшати даруи, въ твоеи великои, премирной и въ сладколюбовной любви, сдинодушно сподоби и вѣчно ся съ ними слоучити. О всемилостивыи мои прекрасныи, возжеленныи, сладколюбимыи Иисусе, въ непрестанныи и въ превѣчныи и въ безконечныи вѣки, аминь.

О душе милаа, невѣсте Христова любимая! естли ся будешь такъ вѣрно молитися къ нему а съ нимъ ся такъ вѣрными словы оумовляти, за вѣрно тобѣ поведая а слюбити могу, же тебѣ выслушаетъ въ томъ а въ всемъ волю твою наполнить, о што коли его просишь а жадати будешь. А естлибы ся тобѣ еще мало видѣло такихъ милыхъ словъ оумовлянія съ нимъ, бо милость сыти не имать, ани мѣры знать, и хто кого больши милуетъ, тымъ больши ся къ нему любовію распалаетя а сладкими милыми словы съ нимъ ся часто разоумовляеть, — рци же къ нему, милая душе, такъ:

О великоутѣшный милый Сыне Божій, женише мои сладчайшей Христе! Не трудно ми теци въ слѣдъ тебе, ибо сладость любви твоя душа мою надѣжею оупери, и красота милости твоя сердце мое оуслади, желаніе сердца моего влечеть мя всегда къ тобѣ и любви твоя всегда палатлива, Владыко, о источниче жизни и просвѣщеніе мое и живота моего! Есть бо милость твоя въ сердци моемъ, раба твоего, свѣтъ и радость и веселіе, и сладчайше паче медвянаго соту оустомъ моимъ есть милость твоя, рабу твоему прибѣжище и сила, заступленіе и похвала, полна живота вѣчного и всякія оутѣхи небесныя! Како бо помолчить рабъ твой, Владыко, отъ многія сладости ея, милости твоя и любви, оутѣхи живота моего, ли отверзеть оуста своя зможялая, ли како претерѣшитъ языкъ мои сице не глаголати, нежели паче въспоеть и славить всегда безпрестанидат ея пользы благихъ. О и како паки зотворю въ себѣ волны милостей твоихъ и како паки истекающихъ изъ моего помышленія исполнь суща сладости и великихъ даровъ? Но прославить рабъ твои, Владыко святыи; отъ избытка бо сердцю оустомъ ноужа глаголати, обыкоша и самыи тои, языкъ о бличитель есть всехъ вноутреннихъ таинъ сердечныхъ: аще кого иного кромѣ тебѣ любимого сердце мое любить! Сего ради во многии огнемъ палимой любви роженъ есмь, не могли оуже терпѣть ктому, но отъ великожелаема любви въишо и кричу, рыдаю и плачу съ многія туги и болѣзни сердца моего, распаленіель тужачи по тобѣ, не могуу ктому жити, ани хочю безъ тебе, дыханія моего и живота моего. Славлю тебе небесного владыку,

давшаго ми, своему угоднику, милости небесныя вкусити многими дарами; о семь величаю милость твою, Владыко Иисусе Спасе мой! вже бо величаю тя, рачительно сердце твой самъ ся величаю; не престаесть бо языкъ мой и всегда пѣсни а хвалами слава милость твою. О Владыко! не оумолкнуть гусли моя, поюще пѣсни духовныя, любви твоя влечеть мя къ тобѣ, Спасе мой, радости сердца его, милость твоя палить мя, желанія влека на просвѣщеніе разумное. Боуди же ти сердце мое земля блага, приемлющи сѣмя доброе во сторичный плодъ възращенія, и да оброситъ милость твоя верху менѣ росу жизни вѣчныя, яко да ся обрящетъ душа моя въ свѣте ономъ, идѣже жадаютъ ангели оуникнути. О молю тя еще, Спасе всего мира Христе, оумножиться на мнѣ милость твоя и насытитъ алканіе мое, жажду мою палимую оуставить и сердце мое огнемъ жгомо прохладить и просвѣтитъ омраченую мысль мою, да събереть и помыслы моя вся къ тобѣ и желанія моя исполнить. Не терплю бо безъ нея быти, Владыко, поне ни на малъ часъ, аки безъ душа; лучши бо есть милость твоя паче живота моего, нѣсть бо къ тобѣ безсумнѣнія, понѣжь бо паче мѣры и вѣры и моего достоинства оумножилась во мнѣ и на мнѣ милость твоя; сіа дивне сладка сердцу моему, языкъ бо мой изнеможе, не достиги ея изрѣщи; оудиви же ся и оумъ мой, не терпя многихъ чудесъ и дивныхъ зраковъ волнъ ея. О образе и заре небеснаго царя! да имію здѣ обилно до насыщенія; якоже бо огонь палить оуды моя и сердце мое желаніе мое, влека къ тобѣ всегда, Боже мой, и тако ми здѣ съ нею и при ней и въ ней и добре поживши, да тамо паки въ небесномъ царствіи твоимъ даси ми ея съ великимъ оутѣшеніемъ съвершеніе обилно довольно въ великосладкомъ насыщеніи ея любовныя милости съ великою радостію и веселіемъ въ чти и хвалѣ, въ блаженствѣ и въ прославленіи, въ величїи и въ просвѣщенїи и вѣчныхъ благъ и наслажденїи въ утѣшенїи, живота вѣчнаго твоего божественнаго сладкаго насыщенія, на вѣки и въ вѣки вѣкомъ не имоущаго конца.

Сіе тобѣ отъ менѣ, моя милая любви, хваленіе и славословленіе, благодареніе, сладколюбимое богословіе. Даи же ми, своему оугоднику, идѣже сама живешь, дабы и я съ тобою тамъ былъ, идѣже есть совершеніе всего множества, всякого блага любовнаго любящихъ тя:

Похвала любви.

О любви любимая Божїа любви есть, сладка еси милостію въ милости любящимъ тя, неизреченная радостію, ласкосердечна оутѣшеніемъ, милостивна любленіемъ милующимъ тя, неизглаголанна веселіемъ, пречюдна

сіяніемъ, пресладка наслажденіемъ, предивна благословеніемъ, пречестна веселіемъ, прехвална благословеніемъ, пречестна величіемъ, пресвята святынею, пречестна достояніемъ, преблагословенна великолѣшіемъ, пренеистошима благоподааніемъ, пресладка пѣніемъ, превозлюбленна божественнымъ благолѣніемъ, премногомилосердна обдарованіемъ, край желаніемъ, милости исполненіе, сердцю оутѣшеніе, души насыщеніе, оуму просвѣщеніе, мысли очищеніе, хотѣнію полученіе, воли наполненіе, желанію наслажденіе, всесъвершенно спасеніе, премирное прославленіе, небесное радованіе, духовное озареніе, божественное сіаніе, ангельское оудивленіе, всехъ святыхъ вѣчное утѣшеніе, праведныхъ душъ радостное отпочиваніе, благоуханное благовоніе, неизрѣченное веселіе, безмѣрное радованіе, безчисленное милосердіе, неисчетное оущедреніе, невымовное милованіе, безконечное житіе, тихи покой, вѣчныи миръ твоимъ любовникомъ, твоимъ оугодникомъ, твоимъ рачителемъ, твоимъ миловикамъ, твоимъ желателемъ, вѣчнаго живота до насыщенія ихъ довольное наслажденіе, оутѣшеніе, насыщеніе, и всякого есть добра имъ заплаченіе достаточное. О ты едина прекрасная сладкая любви, чюдная милости Божія! откуда ты похвалю, како ли ты вespoю, коимъ ли ты словомъ прославлю, каковымъ ли ты языкомъ высловлю? ты бо владѣши державою морьскою, възмущеніе жъ волнь его ты оукрочаешь. Ты смирилъ еси яко язвена гордаго мышцею силы своя, твоя суть небеса и твоя есть земля, вселенную и конци ея ты основа, сѣверъ и море ты създа, отъ востока солнца и до запада хвално имя твое, и вся тобою състоятся и съдержаться, коупножь вся видимая и невидимая—вся твоя суть, вся о тобѣ състоятся и живутъ и движаться, а безъ тебе ничтоже ачь и что есть; и сего ради тобѣ всяко колѣно поклоняется небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и неволю за повинувшаго тобѣ всяческая на оупованіе, и всякъ языкъ исповѣсть се, яко ты Господь Иисусъ Христосъ самъ есть тая милость и любви въ славѣ Бога Отца, съ нимъ царствующи вкупѣ съ святымъ духомъ во вѣки, аминь.

О любви и о ластцѣ и о дарахъ благодати Его прославляти должно.

Превозлюбленный мой мирныи а милыи брате! Сиде Бога твоего възлюби оти ото всее душа твоя и всимъ сердцемъ твоимъ и всимъ помышленіемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею, якоже и тебѣ Богъ возлюбилъ есть, давъ за тебя душу и животъ свой. Будь же ему церковь духовная, и вселиться въ ты Богъ вышній. Душа бо, имѣющія Бога въ собѣ, церква на-

рицається жива, свята и честна Богу, и божественныя тайны служатъ ся въ ней и спѣшать ся всегда силы небесныя посѣтити ю; понеже бо Богъ вселилъ ся есть въ душу тую, ангели и небеса веселяться о ней, оублажающе душу и честь велику ей творяще, имъжь наречеться владыка ихъ (?). Блаженъ человекъ, иже ты возлюби отъ всея души своея и възненавидѣ мира и якъ въ немъ вся, а токмо имать святаго Владыку добраго и бисера съкровища животнаго ненасытимаго — Бога, и иже еще любить Бога всимъ сердцемъ! Тому на земли нѣсть оумъ, но горѣ всегда, идѣже и възлюбилъ есть, и душа и възхотѣла есть, и жаждеть оумъ отуду и възхищена есть сладости ради любви Божіа, понеже бо сладости и радости любви Божіа исполнена есть. Въистину блаженъ есть вкусивши ея и ненас(ыт)ився. О сладости и любви и милости Божіа! кто оубо можетъ изрѣчи-твоя достойная? Навель оубо апостоль, вкусивши отъ нея и ненасытився ея, самъ възпѣеть о ней глаголетъ, яко ни горѣ высота, ни долу глубина, ни сама та жизнь, ни хотячая быти паки, ни смерть, ни вси ангели, ни начала, ни власти, ниже тварь никоторая — все вкушѣ немогутъ разлучити палимыя души отъ любви Божіа. Да и вкушеніе ея сладости огонь безсмертенъ есть, любви бо Божіа Богъ есть, съдѣловаетъ же въ души любимой свѣтлая дѣла и чюветвіа ея възносятся отъ земля на небо, и ненавидитъ земныхъ, самого токмо зреть Бога, егоже възлюби. Но оучать ны святи мученицы, възкусившей ея и не нас(ыт)ившіися отъ нея: съоузъ мяккій есть любви Божіа, не можетъ мечь обоюду острѣ ея отѣщи. Отѣцаху бо мучители оуды святыхъ, любовь же ихъ не можаху отѣщи. О мяккій съоузе любви Божіа, исполни сыи чудесь! Не могли ея отрѣшнати, мечь ея не отѣче, огонь еи не растая! Оудове отѣцаху, любви же не отѣщасея; поляху оудове, любви же не згораше; потопляхуся паки тѣлеса святыхъ, любви же ихъ не потопляшея; вяжутъ паки тѣлеса святыхъ, любви жь не связана бысть весма. Кто оубо не дивиться мяккому сему сооузу любовному а зѣло чюдному, иже не отѣкается никогдаже, ниже паки рѣшиться! Иже бо кто возлюбитъ Бога всимъ сердцемъ, такову любовь къ нему имать. Сію любовь дасть Богъ своей церкви, яже есть невѣста его любимая прекрасная душа оукрашенни быти всеи любви. Сіа бо любви начнеть Бога нарицати, въ души столпъ и оутверженіе святыхъ, святая наричеться любви въ души святѣй. Сіа паки любви единочадного сына Божіа съ небеси къ намъ привлече; сеа ради любви Богъ възчеловѣчнися. Сеа ради любви стати ся безплотныи, сеа ради любви видимъ бысть невидимыи, сеа ради любви Богъ человекъ бысть, сеа ради любви человекъ Богъ съдѣлалъ. О сило великая и неостижимая оуму! сеа ради

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

VI.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ.

Статья четвертая.

Въ повѣсти *Майская Ночь или Утопленница*, Гоголь является попеременно то великимъ живописцемъ того, что онъ видѣлъ, или могъ живо себѣ представить, то фальшивымъ рассказчикомъ о томъ, чего никакъ не возможно вообразить безъ предварительнаго изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ не трудно быть въ Украинѣ; но все, что относится къ чувствамъ, обыкновенно таиннымъ въ душѣ каждаго, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ нравамъ и обычаямъ народнымъ,—все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающихъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ. Проидемъ по всей повѣсти, съ начала до конца.

Вторая и третья строки ея обнаруживаютъ, что Гоголю были извѣстны ночныя забавы сельской молодежи только по наслышкѣ. Онъ говоритъ, что »утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера.« Если бы онъ умолчалъ хоть о дневныхъ трудахъ, то можно было бы еще подумать, что дѣло происходитъ въ праздничный день. Въ будни же »блескомъ чистаго вечера« пользуются наши поселяне, чтобы окончить

заботы о домашнем скотѣ и приготовить вечеръ для трудившейся цѣлый день семьи. Последній ствѣтъ дня на небѣ служить имъ вмѣсто лампы за вечерю, какъ изображено и въ одномъ изъ стихотвореній Шевченка:

Сім'я вечѣра коло хати,
Вечірна зіронька встає.

Уличныя пѣсни начинаются только тогда ужъ, какъ все старое и малое, все степенное и удержанное дома заботами о дѣтяхъ, уляжется спать. Вотъ почему у Шевченка, въ томъ же стихотвореніи, говорится:

Затихло все,—тільки дівчата
Та соловейко не затихло.

У Гоголя, напротивъ, читаемъ: «Уже и сумерки, а пѣсни всё не утихали». Да онѣ едва начинаются въ сумерки! Серенада же въ сумерки, передъ дверью хаты, въ которой живетъ *кохана дівчина*, какъ представлено у Гоголя, не возможна, потому что родители вообще съ неудовольствіемъ смотрятъ на уличныя ночныя забавы дочерей, а тутъ вызовъ дочери на тайное свиданье былъ бы слишкомъ для нихъ явентъ. Какъ бы ни были они сами по себѣ поблажливы, да побоялись бы за добрую славу дочери-невѣсты со стороны сосѣдей. Поэтому-то, въ народной пѣснѣ, о влюбленномъ парубкѣ поется такъ:

До віконца припадає,
Стиха промовляє:
»Вийди, вийди, дівчинонько,
Зъ рубленої хати:
Теперъ нічка темненькая —
Не знатиме мати.»

Гоголь построилъ свою любовную сцену на пѣснѣ:

Сонце низенько,
Вечір' близьенько,
Вийди до мене,
Моє серденько,

которую и вложилъ въ уста парубка-бандуриста; но, не зная, какъ именно это дѣлается у поселянъ, онъ не понималъ, что здѣсь говорится о близости вечера въ томъ смыслѣ, что, когда вечеръ погаснетъ,

можно будетъ любящейся четѣ повидаться безъ свидѣтелей (въ чемъ и состоитъ прелесть свиданія). Странно было бы вообразить въ виду всѣхъ поселянъ такую сцену, о какой мечтаетъ влюбленный парубокъ, ^и петербѣливо слѣдящій за садящимся ниже и ниже солнцемъ:

Ой вийди, вийди,

Не бійсь морозу:

Я твої ніженьки

Въ шапочку вложу, и пр.

Упомянутое о *морозъ* должно было бы перенести воображеніе Гоголя въ ту пору года, которая особенно благопріятствуетъ ночнымъ свиданіямъ—и потому, что кончены полевые работы, и потому, что ночи тогда очень длинны; но у него молодежь тѣшится уличными забавами въ майскую ночь, а влюбленные толкуютъ въ эту пору года о близкой свадьбѣ, которая возможна для поселянъ только осенью, зимою и раннею весною, но никакъ не *въ косовицю*. Въ это время и одинъ потерянный день много значить въ простомъ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ каждый членъ семьи долженъ работать изо всѣхъ силъ. Но положимъ, что молодежь, изъ любви къ ночнымъ удовольствіямъ, обходится самымъ кратковременнымъ сномъ, что въ самомъ дѣлѣ случается; только, не зная, какъ именно распоряжается поселянинъ лѣтнимъ временемъ, Гоголь заставляетъ волостного голову бесѣдовать у себя въ хатѣ съ винокуромъ, спустя долгое время послѣ ужина, безъ всякой экстренной надобности: это—осень, а не май, когда ужинаютъ обыкновенно при «блискѣ чистаго вечера», внѣ хаты, и ни въ одномъ окнѣ на селѣ не увидите ночью огня. Впечатлѣніе осенняго времени неумышленно усиливаетъ авторъ, упомянувъ, что свояченица головы въ это время сидѣла на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги. Еще большая выходитъ несообразность, когда пьяный Калѣникъ, попавъ къ головѣ въ хату, воображаетъ свою жінку лежащею на печи. Поселяне лѣтомъ рѣдко спятъ и въ хатѣ, не только на печи. Но это мелочи, а вотъ черта правовъ, обнаруживающая въ Гоголѣ рѣшительное непониманіе простонародныхъ украинскихъ правовъ.

У него голова представленъ отъявленнымъ волокитомъ. Положимъ, что старикъ, у котораго есть взрослыя дѣти, былъ «похотливъ», какъ поютъ о немъ въ своей цѣснѣ парубки; но такъ ли онъ выразитъ этотъ порокъ, какъ какой-нибудь отставной капитанъ или про-

сто помѣщикъ, отецъ взрослыхъ дѣтей? Мы пропустимъ безъ вниманія, что Гоголевъ голова заглядывается на всякое смазливенькое личико, и даже то, что онъ »шатается подь окнами молодыхъ дѣвушекъ«; но вотъ что по-истинѣ странно. Въ майскій вечеръ, послѣ того, какъ его сынъ вызвалъ серенадою любящую его дѣвушку, наговорился и нацѣловался съ нею досыта, голова вызываетъ на тайное свиданіе ту же самую дѣвушку, и между ними повторяется разговоръ о сватовствѣ, который составлялъ цѣль свиданія молодыхъ людей. Ганна говорила сыну, между прочимъ, вотъ что:

»Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими—у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя!«

Потомъ она допрашиваетъ его: говорилъ ли онъ съ отцомъ объ условленной между ними женидбѣ?

Въ тотъ же вечеръ та же самая дѣвушка говоритъ отцу, въ темнотѣ, подь деревьями:

«Ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ.»

Ни единственнымъ словомъ не предувѣдомилъ Гоголь своего читателя, что его красавица, исполненная дѣтской мечтательности и простодушной поэзіи, способна играть роль самой лукавой гризетки. Но голова въ роли Ловеласа еще у него интереснѣе. Видите ли, старикъ захотѣлось жениться на возлюбленной своего сына, какъ Филиппу Второму на невѣстѣ Донъ-Карлоса, и онъ добивается этого счастья самымъ удобнымъ для него способомъ. Недоставало ему еще одного: свѣтъ подь бандуру въ сумерки:

Солнце низенько,
Вечіръ близенько,
Вийди до мене,
Моё серденько!

Московскій *День* нашель по себѣ критика для обороны украинскыхъ повѣстей Гоголя отъ моихъ указаній на его погрѣшности противъ народоописанія. Можетъ быть, глядя глазами Москвичей на нашу сельскую жизнь, г. Максимовичъ оборонить и эту, какъ онъ, безъ сомнѣнія, скажетъ, »поэтическую, высоко художественную сцену«;

но намъ, не разорвавшимъ живой связи съ нашимъ народомъ, жаль, что повѣсти Гоголя пустили о немъ въ русское читающее общество столько превратныхъ понятій. Почтенному, уважаемому уже за одну его власть поселянину могло придти въ голову—отбить у сына невѣсту, какъ и королю Филиппу Второму; но для этого онъ и обратился бы къ своимъ преимуществамъ передъ сыномъ, а вовсе не къ тому, въ чемъ ему мудрено соперничать съ молодымъ любовникомъ. Въ одной только московской газетѣ подобныя соображенія не имѣютъ мѣста и называютъ *оборону Гоголя* отъ здраваго смысла людей, которые, указывая на погрѣшности молодого таланта, высоко цѣнятъ этотъ талантъ въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Но посмотрите, какую игрушку представлялись Гоголю поселяне, какъ онъ поверхисетно на нихъ смотрѣлъ, какъ мало похожи они на людей! Влюбленный парубокъ, попавъ на сцену тайнаго свиданья своей нѣжной голубки съ отцомъ, и не помыслилъ о ревности, которая, сколько мы понимаемъ свойства души человѣческой вообще и характеръ нашихъ сельскихъ любовниковъ въ особенности, должна бы быть у него господствующимъ чувствомъ на ту пору. «Невольное покачиваніе головою и легкій сквозъ зубы свистъ одни только выразили его *изумленіе*» (*),—вотъ первое впечатлѣніе, произведенное на молодую душу возмутительною сценою женскаго лукавства.

»Ай да батько!« говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія (продолжаетъ Гоголь) и глядя вельдъ уходившему съ ругательствомъ головѣ. »Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! Поистой же, старый хрѣнь, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ! будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣсть! Гей, хлопцы! сюда! сюда! кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ идти спать, но теперь раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами. Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову? Чтѣ онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляетъ у насъ, какъ-будто гетманъ какой. Мало того, что помышляетъ, какъ своими холопьями, еще подѣзжаетъ къ дівчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова.« (**)

(*) Соч. и П. Гоголя. I, 66.

(**) Тамъ же, 67.

Эта выписка поражает нас двойною неестественностью: отсутствием въ любовникѣ хотя бы малѣйшаго чувства неудовольствія къ возлюбленной и полнымъ забвеніемъ съ его стороны, что голова всё-таки отецъ его. Левко во всемъ разговорѣ съ товарищами даже не назвалъ голову отцомъ. Хотя бы онъ сказалъ, что не признаетъ его больше за отца. Нѣтъ, онъ просто относится къ нему, какъ «вольный козакъ» къ головѣ и говоритъ о старческихъ его проказахъ такимъ тономъ, какъ-будто въ нихъ для сына нѣтъ ничего особенно поразительнаго. Какое! онъ тутъ же сложилъ про отца водевильную пѣсенку.

»А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу, продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры.« (*)

У писателя, болѣе близкаго къ украинскому народу, невольно явилась бы мысль, что дѣло вѣдь идетъ объ отцѣ, и пусть ужъ Левко—самый безпутный изъ парубковъ (тогда какъ у Гоголя, напротивъ, онъ опоэтизирована насколько это было для автора возможно); но вѣдь у тѣхъ, къ кому онъ обращался, были тоже отцы. Неужели же ни въ одной душѣ не явился упрекъ товарищу: »Левко, а всё-таки онъ тебѣ отецъ!« Ни тѣни чего-нибудь подобнаго не явилось въ умѣ живописца украинскихъ нравовъ, обороняемаго г. Максимовичемъ. Его парубки съ восторгомъ приняли предложеніе Левка и хоромъ распѣвали слѣдующій во всехъ отношеніяхъ безобразный пасквиль, сложенный сыномъ на родного отца:

Хлопцы, слышали ли вы?
 Наши ль головы не крѣпки!
 У кривого головы
 Вдругъ разсыпались все клепки.
 Набей, бондарь, голову
 Ты стальными обручами!
 Вспрысни, бондарь, голову
 Батогами, батогами!
 Голова нашъ съдъ и кривъ,
 Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!

(*) Тамъ же, 68.

Прихотливъ и похотливъ:
 Жмется къ дѣвкамъ.... Дурень, дурень!
 И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
 Тебя бѣ нужно въ домовину,
 По усамъ да по шенмъ!
 За чуприну, за чуприну! (*)

Когда перечитываешь теперь первыя сочиненія Гоголя и находишь въ нихъ мѣстами такое поразительное отсутствіе ума, чувства и вкуса, становится отчасти понятною излишняя строгость къ нему такихъ критиковъ, какъ Полевой. Но, точно такъ, какъ порицатели Гоголя, изъ-за его погрѣшностей противъ природы человѣческой, не видѣли достоинствъ молодой, слишкомъ неопытной его фантазіи, почитатели его, ради свѣжихъ, оригинальныхъ красотъ новаго таланта, не хотѣли видѣть поразительныхъ для насъ его недостатковъ. Таковъ почти всегда бываетъ судъ современниковъ надъ первыми произведениями литературнаго генія. Горячій споръ за него оканчивается обыкновенно взаимными уступками. Только умы неподвижныя, неспособныя развиваться ходомъ науки и самой жизни, остаются до конца вѣрны первоначальнымъ убѣжденіямъ.

Чтобы не возмутиться поступкомъ Гоголевой героини Ганны и находить натуральнымъ спокойствіе ея любовника, заставшаго ее на тайномъ свиданіи съ «неожиданнымъ соперникомъ», надобно быть или очень, очень юнымъ, или очень, очень ветхимъ. Пропѣвъ хоромъ свой ласквилъ подъ окномъ родной хаты и пустивъ въ отцовское окно увѣсеннымъ камнемъ (не извѣстно, впрочемъ, своеручно ли), Левко долго дразнить еще отца переодѣваньями, наконецъ успокоивается и засыпаетъ въ сладкихъ мечтахъ о возлюбленной, а послѣ развязки повѣсти видѣть ее спящею подъ створеннымъ окномъ, говоритъ ей сонной чувствительныя вѣжкости, креститъ и радуется, что будетъ мужемъ той дѣвочки, которая въ одну и ту же ночь выходила изъ хаты на тайное свиданье съ сыномъ и отцомъ. »Какая незлобная, какая простосердечная натура украинская!« могутъ заключить изъ всего этого изучающіе нашъ народъ по повѣстямъ Гоголя. »Въ этомъ народѣ автору *Отелло* нечего было бы дѣлать.« А между тѣмъ.

(*) Тамъ же, 72.

пѣсни этого народа часто говорятъ объ отравкахъ и убійствахъ изъ ревности, да и уголовныя преступленія въ украинскомъ простонародьи едва ли не чаще всего совершаются въ безуміи ревности. Но какое дѣло обороняющимъ Гоголя критикамъ до подобныхъ фактовъ? Они рѣшились оборонять Гоголя героически...

Такимъ-образомъ, мы находимъ противуестественными отношенія любящаго парубка къ его возлюбленной и сына къ отцу, а на этихъ-то отношеніяхъ и основана вся повѣсть. Въ предыдущей статьѣ мы говорили о натянутости у Гоголя разговоровъ между влюбленными. Въ *Майской Ночи*—то же самое, какъ это видно изъ приведенной выше риторической тирады, въ видѣ рѣчи влюбленной сельской дѣвушки. Гоголю, повидимому, такъ же трудно было придумывать рѣчи въ описаніи любовнаго свиданія, какъ и его Ивану Федоровичу Шпонькѣ. Тотъ заговорилъ съ барышнею о мухахъ; у Гоголя сельская красавица отъ сомнѣній въ возможности счастья, отъ задушевной бесѣды съ милымъ парубкомъ, переходитъ по-дѣтски къ счету звѣздъ.

»... Да тебѣ только стоить, Левко, слово сказать—и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово—и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри! продолжала она, etc. Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая...« (*) и начинается дѣйствительно дѣтскій разговоръ, что дескать ни одинъ дубъ не достанетъ до неба, что Богъ спускаетъ съ неба лѣстницу передъ свѣтлымъ воскресеньемъ... До того ли имъ въ ихъ затруднительномъ положеніи? Все это похоже у Гоголя на то, что говоритъ ся въ пословицѣ: *Чувъ, що дзвонять, та не знавъ, у якій церкві*. Вся эта сцена не создана, а слѣплена изъ того, что сохранилось въ памяти автора отъ бесѣды съ няньками-украинками. Можетъ быть, даже и самый счетъ звѣздъ взять Гоголемъ изъ известной пѣсни:

Ой ти въ хаті, я на-дворі;

Вийди, сѣрце, злічимъ зорі.

(*) Тамъ же, 38.

Но, въ такомъ случаѣ, онъ упустилъ изъ виду слѣдующій за этимъ стихъ, опредѣляющій смыслъ пѣсни:

Не лічила и не бѣду...

Сліяніе чудеснаго съ дѣйствительностію въ *Майской Ночи* сдѣлано Гоголемъ по образцу Гюфмановыхъ повѣстей, но безъ Гюфмановскаго искусства. Какимъ образомъ очутилась въ рукѣ уснувшаго парубка записка комиссара? наэтотъ вопросъ можно отвѣчать только: такъ было угодно автору. Но и самая записка, независимо отъ чудесности ея полученія, исполнена невѣроятности, которую можно объяснить только молодостію автора и его незнаемъ, какъ стоятъ вещи въ украинской сельской жизни. Гоголь представляетъ комиссара неограниченнымъ деспотомъ, котораго прихоть принимается, какъ абсолютный законъ, волостнымъ головою въ такомъ чисто семейномъ, неподлежащемъ полицейскому вѣдѣнію дѣлѣ, какъ женитьба сына. Стоить намъ прочесть эту записку, чтобы судить, до какой степени читатели и критики Гоголя вѣрили ему во всемъ, что бы онъ ни сказалъ о своей родинѣ.

»Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости; а велѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левкѣ Макогоненка, на козачкѣ изъ вашего же села, Ганиѣ Петрыченковой, а также починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по прїѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое неприведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ—Дришпановскій.» (*)

Смѣшно, но не сообразно съ дѣйствительностію. Гоголь, вѣроятно, зналъ, что въ какомъ—нибудь тридесятомъ царствѣ приближенные къ деспоту люди не только готовы исполнить всякую прихоть своего владыки, но даже стараются предупредительно угадать ее. Иначе дѣлаются дѣла въ сельскомъ мірѣ относительно нелѣпаго вмѣшательства полицейскаго чиновника въ дѣла семейныя, о которыхъ онъ пишетъ на-ряду съ починкою мостовъ и выдачею обывательскихъ лоша-

(*) Тамъ же, 83.

дей. Гдѣ Украина, изображенная Гоголемъ, обороняемымъ отъ насъ московскимъ *Днемъ*, мы не знаемъ. У насъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, такой Украины нѣтъ, развѣ отыщеть ее, собственно для московской газеты, г. Максимовичъ...

Незнаніе правовъ и обычаевъ украинскихъ, неуваженіе къ чело-вѣческой личности украинскаго простолюдина такъ и разитъ на каж-домъ шагѣ въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя. Волостной голова, которо-му влетѣлъ въ окно увѣсистый камень, который былъ осрамленъ пасквилемъ и при этомъ влюбленъ въ молодую дѣвушку,—по запискѣ комиссара тотчасъ женить на этой дѣвушкѣ своего сына, буяна и соперника!

»Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попь и обвѣнчаютъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидить, что значить исправность!» (*)

Еслибы животныя имѣли даръ слова, можетъ быть, они въ по-добныхъ случаяхъ такъ и говорили бы; но люди, да еще украинцы, да еще казаки, въ лицѣ почетнѣйшаго между ними, могутъ говорить такъ только на страницахъ украинскихъ повѣстей, написанныхъ для такихъ читателей и судей, какимъ является, спустя тридцать лѣтъ, г. Максимовичъ. *Чортъ съ вами!* Это папутственное благословеніе отца, сказанное сыну, въ присутствіи писаря и другихъ членовъ сельской громады! Подавленный, деморализованный рабствомъ индійскій парій, и тотъ иначе выражается въ подобныхъ случаяхъ. Волостной голова въ Украинѣ слишкомъ далекъ отъ Гоголева типа, въ какой бы зависимости ни находился отъ полицейскаго своего начальника.

И какой легковѣрный этотъ голова! Вечеромъ, въ потемкахъ, столкнулся, въ роль Донъ-Жуана, съ сыномъ, а черезъ часъ, мно-го черезъ два (судя по ходу повѣсти), вѣрить словамъ сына, что будто бы онъ »отлучался вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара« (**). Но такихъ несообразностей, обнаруживающихъ автор-скую небрежность къ сущности искусства, много у Гоголя въ пер-выхъ его повѣстяхъ. Ему, напримѣръ, пужно, чтобы голова и двое спутниковъ его столкнулись въ потемкахъ лбами съ писаремъ и дву-мя его провожатыми, но тутъ же онъ говоритъ, что писарь былъ

(*) Тамъ же, 84.

(**) Тамъ же, 84.

въ жилетѣ цвѣта винныхъ дрождей (*). Ему нужно женить Левкѣ черезъ нѣсколько часовъ по полученіи комиссарской записки, — свадьба къ услугамъ читателя. Не говоря ужъ о томъ, что дѣло происходило въ маѣ, когда женятся только паны, живущіе готовымъ хлѣбомъ; не говоря о пренебреженіи къ обряду сватовства, дѣвичь-вечера, приготовленья коровай, безъ котораго сельская свадьба немыслима, хоть бы о томъ подумалъ авторъ, что и въ самомъ богатомъ домѣ необходимы разныя приготовленія къ приему свадебныхъ гостей. Все это соображенія ненужныя для живописца украинскихъ поселянъ, по мнѣнію устарѣвшей, ветхой, отупѣлой критики. Невольно вспомнишь карикатуру Квитки: »Емѹ кажешъ: блакїтна, а вінъ товчѣ: *сїня-ста*. Емѹ кáжешъ: не годїтця, а вінъ чұхаетця та кáже: *Нїчаво-ста: для Хахлѣвъ и такѡй Богъ брадї.*» (**)

Но у Гоголя нелѣпости въ изображеніи нравовъ, обычаевъ и характеровъ украинскихъ выкупаются по крайней мѣрѣ прекрасными описаніями природы и комическою стороною явленій жизни, представленныхъ у него болѣе или менѣе въ карикатурномъ видѣ. Чѣмъ же выкупить себя оборона его украинскихъ повѣстей отъ критики, которая ищетъ въ нихъ истинности изображеній, вдохновенія отъ глубоко-почувствованной жизни и наконецъ пользы, какая необходимо должна для насъ простекать отъ уразумѣнія извѣстной сферы явленій при посредствѣ поэтического ясновидѣнія?

II. Кулішъ.

22 ноября 1861 г.

Петербургъ.

(*) Тамъ же, 74.

(**) *Повісті Квітки*, 1, 126.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

III.

Всѣмъ извѣстно, что лучшая для растительности почва есть черноземъ, а въ этомъ отношеніи Украина, конечно, не уступаетъ ни одной странѣ въ мірѣ. Полоса, начинающаяся отъ Карпатскихъ горъ и кончающаяся въ Сибири, Барабинскою степью, большею - частию покрыта этою почвой. Она, произведеніями своими, не только удовлетворяетъ потребностямъ жителей, но и доставляетъ избытки, которые изъ Южнорусскаго края отпращиваются за границу чрезъ порты Чернаго и Азовскаго морей.

Эта черноземная полоса начинается въ Галиціи, восточнѣе Львовскихъ песчаныхъ возвышеній, и идетъ двумя полосами: одна, чрезъ Буковину, входитъ въ Бессарабію и кончается на сѣверозападъ отъ г. Кишинева; другая, широкою полосою, направляется на востоко-сѣверо-востокъ, захватываетъ часть Люблинской губерніи и входитъ по этому направленію въ русскіе предѣлы. Въ Россіи, сѣверная граница чернозема идетъ на Житомирь, Кіевъ, Черниговъ, Чернь (Тульск. губ.), Рязань и Казань. На югъ, черноземъ не касается низовьевъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное и Азовское моря, но близко подходит къ берегамъ этихъ морей, и оканчивается среднимъ теченіемъ р. Маныча. Съ востока, отъ этой рѣки, граница полосы идетъ на сѣверъ почти до Саратова, откуда переходитъ на лѣвый берегъ Волги и тянется на востокъ. Наибольшая ширина черноземнаго пространства, отъ Оки до Маныча, достигаетъ 945 верстъ. Мы не говоримъ, что все это пространство сплошь покрыто черноземомъ, но здѣсь онъ составляетъ преобладающую почву. Для лучшаго разсмотрѣнія про-

изводительной почвы нашего края, мы разберемъ её по губерніямъ и, гдѣ потребуется, по уѣздамъ.

Происхожденіе чернозема составляетъ еще спорный вопросъ между учеными. По общенародному мнѣнію, черноземъ образовался чрезъ гніеніе растений и чрезъ смѣшеніе ихъ съ землею, на которой они выросли. Нѣкоторые ученые согласны съ этимъ мнѣніемъ, предполагая, что прежде страна была покрыта лѣсами; другіе отвергаютъ существованіе здѣсь лѣсовъ, потому что нынѣ не осталось никакого ихъ слѣда, а приписываютъ происхожденіе чернозема образованію водному и полагаютъ, что море, покрывая прежде всю страну, осаждало илъ, подобный тому, какой осаждаютъ нынѣ Средиземное море. Но какъ въ черноземѣ не найдено нигдѣ раковинъ—всегдашней принадлежности морей, то и это мнѣніе отвергается. При разложеніи чернозема на составныя его части, найдено, что въ немъ заключается: минеральныхъ частей отъ 85 до 88, перегнойныхъ отъ $10\frac{1}{2}$ до 8,—и воды отъ 4 до $3\frac{3}{4}$ на сто частей; обилію перегной и азотныхъ частей приписываютъ его плодородіе. Выгоды чернозема въ сельскомъ хозяйствѣ состоятъ въ томъ, что онъ не требуетъ тщательной обработки и даже она можетъ быть ему вредна тѣмъ, что заглушаетъ посѣяныя сѣмена; не требуетъ удобренія, заключаая въ составѣ своемъ не менѣе 12-й части естественнаго перегноя. Невыгоды же черноземной почвы состоятъ: въ совершенныхъ неурожаяхъ во время сильныхъ засухъ, неурожаихъ, достигающихъ иногда до того, что не родится ни одинъ стебель на посѣянномъ полѣ; для паханья эта почва требуетъ значительной силы, не менѣе пары воловъ; сельскохозяйственныя дороги, пролегающія по этой почвѣ, въ дождливое время бываютъ трудно проходимы, потому что въ то время черноземъ распускается гораздо глубже всякаго другаго грунта, а липкость его увеличиваетъ иногда тяжесть колесъ въ пять разъ и болѣе.

Теперь приступимъ къ обзорнію разнаго рода почвъ, залегающихъ на пространствѣ южной Руси. Въ Люблинской губерніи плодородіемъ отличаются уѣзды Грубешовскій, Замосецскій и Люблинскій, но только первый изъ нихъ имѣетъ настоящій черноземъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняютъ его жирная глина и мѣловой рухлякъ. Эта послѣдняя почва покрываетъ и среднюю часть губерніи; она, по наружному виду, похожа на черноземъ, но требуетъ одинаково удобренія. Къ западу, земля состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, но производитъ при хорошемъ удобреніи, пшеницу въ изобиліи. Въ сѣверной ча-

ети губерніи грунтъ земли частію илстый, частію болотный. На пространствѣ между г. Люблиномъ и м. Пяски почва песчаная; она же покрываетъ и значительную часть Луковского уѣзда. Люблинская губ., во всемъ Царствѣ Польскомъ, есть плодороднѣйшая; въ ней остается отъ продовольствія жителей, среднимъ числомъ, до 600 тыс. четвертей разнаго рода хлѣба, который и вывозится частію въ Варшаву, частію въ Пруссію. Лугами изобильны уѣзды Грубешовскій, Красноставскій, Хелмскій, Радзынскій и Замойскій. Луга расположены по низовьямъ рѣкъ, высоты же заняты или лѣсами, или пахатными полями, оттого здѣшнее сѣно не бываетъ отличнаго качества; травосѣяніе почти неупотребительно; но какъ скотъ и лошади пахотятся около десяти мѣсяцевъ на подножномъ корму, то и сѣна остается для продажи много; оно сбывается частію въ Варшаву, а частію на мѣстѣ, кавалеріи, постоянно въ губерніи квартирующей.

Восточная Галиція, страна по преимуществу земледѣльческая; почва ея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, вообще плодородна. Сѣверная полоса имѣетъ грунтъ земли суглинистый, весьма способный для произрастанія зерноваго хлѣба, въ-особенности пшеницы. Полоса, проходящая съ запада на востокъ, чрезъ Львовъ, большею частію песчана, а нѣкоторые холмы подъ этимъ городомъ покрыты чистымъ пескомъ. Чѣмъ южнѣе и ближе къ Карпатамъ, тѣмъ почва разнообразнѣе; къ востоку же и въ Буковинѣ она состоитъ изъ чернозема отъ $\frac{1}{2}$ до 1-го аршина глубины. Земледѣліе здѣсь стоитъ не на высокой степени; трехпольное хозяйство почти повсемѣстно. Несмотря на удобства къ разведенію луговъ, въ прекраснѣйшихъ долинахъ страны, и значительное количество пастбищъ въ горахъ, скотоводство мало развито въ Галиціи, такъ-что на всю эту страну приходится рогатаго скота менѣе $4\frac{1}{2}$ милліона и $\frac{1}{2}$ милл. головъ лошадей; какъ то, такъ и другое не высокаго качества. (Жителей въ ней болѣе 6 милліоновъ).

Въ Венгріи, Русинами заселены какъ гребень Карпатскихъ горъ, такъ и часть южной ихъ пологости, а потому здѣсь богатство жителей зависитъ не столько отъ почвы, сколько отъ возвышенія воздѣлываемаго поля надъ поверхностію океана. На самомъ гребнѣ горъ, грунтъ земли каменистый, прикрытый въ иныхъ мѣстахъ мергелемъ, въ другихъ—мѣловымъ рухлякомъ; по суровости климата производитъ только овесъ, ячмень, картофель и рѣпу, но каждая углубленная долина, закрытая отъ сѣверныхъ вѣтровъ, даетъ уже рожь; южнѣе же,

милахъ въ десяти отъ гребня, растетъ и пшеница, а южный склонъ горы даетъ виноградъ отличнаго достоинства, персики и винныя ягоды.

Южноруссы въ Минской губерніи заселяютъ самую неблагопріятную для земледѣлія, песчаную и болотистую, полосу. Почва песчаная залегаетъ здѣсь между Пинскомъ и Кобринномъ, и, вообще, въ Полѣсьѣ, въ Приплетскихъ болотахъ, часто, среди открытыхъ болотъ, встрѣчаются пески, въ видѣ обнаженныхъ холмовъ, какъ напр. около м. Любашева и въ другихъ мѣстахъ. Чѣмъ болѣе мѣстность отдалается на сѣверъ отъ Припечи, тѣмъ грунтъ земли становится глинистѣе, или обращается въ сунесь и, слѣдственно, плодородитѣе, такъ что, съ помощію хорошаго удобрения, производитъ пшеницу. Около самой рѣки почва болотная, илистая и въ восточной части такъ же песчана, какъ и въ западной. Разумѣется, что при такой дурной землѣ хлѣбопашество не можетъ быть успѣшно; въ пшыхъ мѣстахъ, даже сильное удобриваніе полей производитъ только слабый урожай. Сѣна въ этихъ мѣстахъ собирается болѣе, чѣмъ нужно для прокормленія скота, но сбытъ его невозможенъ, по причинѣ дурнаго качества и недостатка дорогъ. Только обиліе лѣса поддерживаетъ здѣсь земледѣльца и дозволяетъ ему, за проданный лѣсъ, покупать въ сѣверныхъ частяхъ губерніи и, преимущественно на Вольни, хлѣбъ, въ которомъ онъ всегда чувствуетъ недостатокъ.

Сѣверная часть Вольнской губерніи во всемъ подобна Минской: песчанія пространства, въ видѣ дювъ, лежатъ между низовьями р. р. Случи и Горыни; илистый грунтъ находится въ болотахъ Владимірскаго и Ковельскаго уѣздовъ, по низовью р. Стыра и почти во всемъ лѣсистомъ Овручскомъ уѣздѣ. Въ этихъ же мѣстахъ попадаются острова торфу, который употребляется иногда на удобреніе полей. Южная часть губерніи, въ особенности верховья Случи и Горыни, покрыты черноземомъ, хотя неглубокимъ, но дающимъ обильную жатву; остальное же возвышенное пространство на сѣверъ до приплетской долины состоитъ изъ суглинки и сунеси. Хотя каменныя мѣста попадаются часто въ обрывахъ лоцинь и берегахъ рѣкъ, но на возвышенностяхъ ихъ почти не видно. Наибольшимъ плодородіемъ отличаются уѣзды: Старо-Константиновскій, Заславскій, Острогскій и Кременецкій. Такимъ образомъ, въ отношеніи доброты почвы, Вольнская губернія представляетъ три полосы: сѣверная, едва вознаграждающая трудъ земледѣльца; средняя, дающая средний урожай приблизительно

около 4-хъ зеренъ, и южная, приносящая около 8 зеренъ; средній же сборъ по губерніи полагается слишкомъ въ $4\frac{1}{2}$ четверти на одну посѣянную, что составитъ излишку отъ продовольствія жителей отъ 400 до 800 тыс. четвертей хлѣба, смотря по урожаю. За исключеніемъ степныхъ — въ Старо-Константиновскомъ уѣздѣ, луга въ губерніи заливные и лежатъ по долинамъ рѣкъ и въ болотахъ; собираемое сѣно перемѣшано съ осокою и молодымъ камышемъ; но какъ сѣнокошеніе производится два раза въ годъ, то сѣна въ губерніи достаточно.

Въ Кіевской губерніи почва чрезвычайно разнообразна, а потому мы разберемъ её по уѣздамъ. Въ Радомысльскомъ уѣздѣ подпочва почти вездѣ состоитъ изъ глины, поверхность же покрыта пескомъ въ различномъ смѣшеніи съ глиною. Сѣверозападная часть заключаетъ почти чистый песокъ; въ южной песку отъ 25 до 60 процентовъ; низменныя же мѣста покрыты глеевато-песчаною почвою, иногда въ смѣси съ мергелемъ, а чаще съ болотистымъ торфомъ. Песчаная полоса по прибрежью Днѣпра въ Кіевскомъ уѣздѣ продолжается, заключая въ себѣ не болѣе 20 проц. глины; въ западной сторонѣ этого уѣзда черноземъ съ глиною и пескомъ; первый лежитъ болѣе по отлогостямъ; въ южной же полосѣ черноземъ покрываетъ и возвышенности. Въ Васильковскомъ уѣздѣ, чѣмъ южнѣе, тѣмъ черноземъ тучнѣе; по р. Роси къ нему примѣшанъ песокъ. Въ гористыхъ мѣстахъ Каневского уѣзда, черноземъ смѣшанъ съ глиною, а на остальномъ пространствѣ залегаетъ тучный черноземъ. По лѣвому берегу р. Тясмина, близъ м. Смѣлы, Черкаскаго уѣзда, есть пространство, оставшееся послѣ вырубленнаго сосноваго лѣса: покрытое зыбучимъ пескомъ, оно совершенно бесплодно и вредитъ еще сосѣднимъ пахатнымъ полямъ, засыпая ихъ мало-помалу пескомъ. Берега Днѣпра въ этомъ уѣздѣ тоже песчаны; въ прочихъ же мѣстахъ то глинистый, то черноземный грунтъ земли. Почва Чигиринскаго уѣзда дѣлится на три полосы; ближайшая къ Днѣпру — иловата и песчана; слѣдующая за нею, шириною въ 3 — 4 версты, состоитъ изъ зыбучаго песку, потомъ черноземъ, смѣшанный съ пескомъ и глиною, при границахъ уѣзда постепенно переходящій въ чистый черноземъ. Въ Бердичевскомъ уѣздѣ преобладаетъ черноземъ, но къ границамъ губерніи въ составъ почвы примѣшивается песокъ и глей. Въ сѣверозападной части Липовецкаго уѣзда, обширныя черноземныя равнины; такой же грунтъ имѣетъ и юговосточная, лѣсистая, часть; по рѣкѣ же Собѣ,

правая сторона съ примѣсю глины, а лѣвая съ пескомъ; долина рѣки совершенно песчана. Въ Таращанскомъ у. почва черноземная, въ составъ которой входятъ также песокъ и глина въ разныхъ пропорціяхъ, но вообще для растительности благоприятная. Чистый черноземъ покрываетъ и Звенигородскій уѣздъ; только въ южной части песчаная подпочва выходитъ на поверхность. Изъ этого обзора почвы Кіевской губерніи видно, что она на $\frac{3}{4}$ пространства плодородна, а производительность ея весьма разнообразна. Такъ, въ Радомыльскомъ уѣздѣ, при общемъ неурожаѣ 1841 года, не собрано и половины посѣяннаго, — тогда какъ въ Бердичевскомъ и Липовецкомъ урожаи были самыя-четверть. Въ урожайные года, Радомыльскій уѣздъ не даетъ и пяти зеренъ, тогда какъ прочіе уѣзды даютъ отъ 8 до 9 разъ болѣе посѣяннаго. Три рода луговъ существуетъ въ Кіевской губерніи: болотные, луговые и степные; болотные—въ Полѣсьи, луговые на долинахъ рѣкъ и степные въ югозападныхъ уѣздахъ. Эти послѣдніе, по произрастенію въ нихъ горошковыхъ и злачныхъ травъ, считаются самыми выгодными. Во всей губерніи, приблизительно, сѣна собирается около 32 милліоновъ пудовъ; а какъ рогатаго скота здѣсь считается отъ 500 до 600 тыс. головъ, и лошадей отъ 95 до 110 тыс., то и корму для нихъ весьма достаточно, хотя бы прибавить мелкаго скота до 900 тысячъ. —

Въ Каменецъ-Подольской губерніи почва гораздо однообразнѣе, чѣмъ въ Кіевской. Въ Каменецкомъ и Проскуровскомъ уѣздахъ, она состоитъ изъ жирнаго чернозема, за исключеніемъ незначительнаго пространства каменистыхъ мѣстъ, по нагорному берегу Днѣстра. Въ Винницкомъ у. почти вездѣ также черноземъ; около праваго берега Буга, грунтъ земли, послѣ вырубленнаго лѣса, состоитъ изъ сѣроватой глины, требующей сильнаго удобренія. Ямпольскій, Брацлавскій и Ушицкій уѣзды покрыты черноземомъ; въ первомъ только глина съ пескомъ на югѣ, а въ послѣднемъ возвышенныя мѣста суглинистыя. Въ Летическомъ, Ольгопольскомъ и въ сѣверной части Литинскаго уѣздовъ залегаетъ суглинокъ, способный для произрастенія пшеницы, но въ послѣднемъ, на сѣверѣ, находится чрезвычайно тучный черноземъ. Наконецъ Балтскій у. покрытъ клейкимъ черноземомъ, но въ иныхъ мѣстахъ онъ лежитъ такъ тонко, что въ жаркое лѣто обращается въ пыль; въ дождливое время здѣсь бывають превосходные урожаи. У крестьянъ этой губерніи хозяйство трехпольное: многіе же помѣщики, по недостатку луговъ, ввели у себя многопольное

и сѣютъ кормовыя травы. Вообще Подольская губернія весьма плодородна, и, несмотря на густое населеніе, она сбываетъ въ Одессу значительное количество пшеницы. Луговъ въ губерніи мало и занимаютъ они только $\frac{1}{38}$ часть всего пространства; оттого и скота здѣсь не много, несмотря на то, что значительнымъ подспорьемъ корму служитъ здѣсь барда съ винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ затирается болѣе чѣмъ 30 тыс. четвертей хлѣба.

Въ Херсонской губерніи почти вся страна покрыта черноземомъ, за исключеніемъ долинъ, рѣкъ и лимановъ и морскаго побережья, которыя состоятъ изъ супеси, или суглинки, или въ рѣдкихъ мѣстахъ изъ чистаго песку; но плодородіе почвы здѣсь весьма различно, что зависитъ болѣе отъ климата, нежели отъ грунта земли. Сѣверная полоса, сохранившая еще небольшое количество лѣсовъ, рѣдко имѣетъ плохіе урожаи, тогда—какъ южная, открытая, необозримая степь, весьма часто подвержена засухамъ, и не будучи закрыта отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, даже и въ не очень жаркое лѣто, даетъ посредственные урожаи; при мокромъ лѣтѣ они бывають, впрочемъ, обильны. Система здѣшняго крестьянскаго хозяйства переложная: послѣ четырехлѣтняго посѣва, обыкновенно поле оставляется подъ паръ на 9—10 лѣтъ; по прошествіи двухъ, трехъ лѣтъ поле заростаетъ травою и обращается въ сѣнокосъ. Впрочемъ, въ Александрійскомъ и Бобринецкомъ уѣздахъ перелоговъ не существуетъ. Здѣшніе луга все почти степные; пользуясь обиліемъ ихъ, жители разводятъ много скота и овецъ. Пахатныхъ полей здѣсь четвертая часть противъ всего пространства; при урожаѣ съ нихъ собирается до 4-хъ миллионъ четвертей хлѣба, и тогда излишекъ простирается до 12 тыс. четвертей. Сбываемый хлѣбъ въ портахъ Чернаго моря состоитъ изъ арнаутки, гирки и озимой пшеницы; ржи въ губерніи сѣютъ мало и для винокуренныхъ заводовъ она получается изъ сосѣднихъ, сѣверныхъ, губерній.

Черноземъ преобладаетъ и въ Курской губерніи, но онъ тамъ находится болѣе или менѣе въ смѣси съ глиною и пескомъ. Толщина этого чернозема здѣсь различна: въ Суджанскомъ у. она не болѣе 3-хъ вершковъ, а между рѣками Псіоль и Семь достигаетъ до $4\frac{1}{2}$ аршина. Менѣе плодородные уѣзды Старооскольскій и Ново-Оскольскій. Сыпучіе пески находятся: на лѣвомъ берегу р. Оскола, за с. Ржавцомъ, по лѣвую сторону Сѣвернаго Донца, при слияніи р.р. Усожа и Свапы, и вдоль Обоянской дороги къ Курску. Суг-

линокъ залегають почти по всеѣмъ ярамъ, а въ особенности по правой сторонѣ р.р. Донца и Корочи, и почти по всему правому нагорному берегу Семи. Каменистая почва попадается только въ нѣкоторыхъ оврагахъ и во многихъ рѣкахъ. Супесь, въ этой губерніи, встрѣчается рѣже другихъ почвъ; наибольшее ею занимаемое пространство, по правому берегу Семи, имѣеть въ ширину отъ 1-й до 3-хъ верстъ. Несмотря на то, что Курская губернія считается степною, дуга въ ней почти все заливные и составляютъ менѣе $\frac{1}{7}$ всего пространства; травосѣяніе здѣсь не въ употребленіи, но сѣна на прокормленіе домашняго скота достаточно. Зерновой хлѣбъ родится въ изобиліи; неурожайные года рѣдки и средній сборъ считается въ 5 четвертей на одну посѣянную. Избытки, происходящія въ урожайные годы, доставляются въ сосѣднія губерніи на пристави, которыхъ Курская не имѣеть, по той причинѣ, что въ ней находятся только верховья большихъ рѣкъ и судоходства поэтому въ ней быть не можетъ.

Воронежская губ., раздѣленная р. Дономъ почти на двѣ равныя половины, имѣеть почву, по правую сторону этой рѣки, большею частію черноземную; на лѣвой же сторонѣ преобладають супесь и суглинокъ, а черноземъ залегаеть полосами и островами. Сѣверная часть Павловскаго уѣзда, въ-особенности по р. Толучѣвкѣ, покрыта мѣловымъ рухлякомъ. Большихъ песчаныхъ пространствъ въ губерніи не имѣется, а незначительныя полосы пролегають по долинамъ лѣвыхъ притоковъ Дона. Изъ всего пространства пахатной земли половина требуетъ удобренія, сильнѣйшаго въ сѣверныхъ, слабѣйшаго въ южныхъ частяхъ губерніи. По десятилѣтней сложности, средній урожай здѣсь высчитанъ въ самъ-четверть, но въ урожайные годы избытокъ отъ продовольствія жителей бываетъ очень значителенъ; случалось, что онъ достигалъ до 3-хъ милліоновъ четвертей. Хлѣбъ, преимущественно пшеница, сбывается въ Ростовъ, по Дону, чрезъ Волгу, для войскъ Кавказскаго корпуса и въ Елецъ для перемолки и доставки оттуда въ Москву. Дуга здѣсь степные и заливные; первыхъ больше, потому-что долины рѣкъ здѣсь узкія; сѣна собирается достаточно для прокормленія скота, тѣмъ болѣе, что здѣсь его зимою прокармливають яровою соломою.

Въ отношеніи почвъ, Черниговскую губернію можно раздѣлять на три полосы: сѣверная, т. е. уѣзды Мглинскій и Суражскій, покрыты сѣропесчаною землею, рѣдко вознаграждающую трудъ хлѣбопашца;

здѣсь урожай самъ—третьей считается хорошимъ. Средняя полоса состоитъ изъ Глуховскаго, Кролевецкаго, Сосницкаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ, въ которыхъ верхняя почва покрыта весьма тонкимъ слоемъ чернозема, смѣшаннаго преимущественно съ глиною и отчасти съ пескомъ. Южная полоса, или уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій и южныя части Глуховскаго и Кролевецкаго, имѣютъ почву черноземную, съ незначительною подмѣсью глины; южная часть гораздо плодороднѣе двухъ первыхъ, и у жителей остается хлѣбъ для продажи; средняя, большею частію, обходится своимъ сборомъ; сѣверная же, обильная лѣсами, промѣниваетъ ихъ на недостающій хлѣбъ. Кромѣ многихъ лѣсомъ поросшихъ впадинъ, илистыхъ и болотистый грунтъ покрываетъ нижнее теченіе праваго берега р. Десны, до впаденія ея въ Днѣпръ, откуда начинаются пески, тянущіеся по длинѣ Днѣпра, на сѣверъ слишкомъ на 120 верстъ. Не считая лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ, луга занимаютъ $\frac{1}{14}$ часть губерніи, но ихъ весьма достаточно для прокормленія малорослага и худаго скота. Сѣно же здѣсь рѣдко превышаетъ цѣну въ 15 коп. серебромъ пудъ.

На подпочвѣ глинистой, плотнаго сложенія, въ Полтавской губерніи лежатъ преимущественно черноземъ, а также супесь, суглинокъ и песокъ. По теченію р. р. Днѣпра, Ворсклы, Орели и Псіола, залегаютъ полосами пески, которые островами находятся также въ Кременчугскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ. Каменистая почва рѣдко встрѣчается на поверхности; можно указать только на окрестности Кременчуга и около с. Исачекъ, на р. Сулѣ. Уѣзды Гадячскій, Полтавскій, Кобеляцкій и Лохвицкій, а также возвышенности, по теченію Сулы, имѣютъ суглинокъ, но черноземъ вездѣ преобладаетъ, залегая большими полосами и островами; остальные уѣзды губерніи покрыты тучнымъ черноземомъ, глубиною отъ $\frac{1}{2}$ до 2-хъ аршинъ. Вообще же почва Полтавской губерніи одна изъ самыхъ плодородныхъ, по тучности чернозема, и удобреніе употребляется только подъ конопляники. Сѣно собирается здѣсь съ заливныхъ луговъ и степей; послѣднія даютъ обильнѣйшій сборъ и питательнѣйшую пищу для скота; трава въ степяхъ достигаетъ иногда до 2-хъ аршинъ высоты. Зерноваго хлѣба и сѣна не только достаточно, для прокормленія жителей и скота, но остается и того и другаго значительный излишекъ, который и сохраняется въ большихъ скирахъ, на случай неурожая. Сбытъ земледѣльческихъ произведеній отсюда весьма затруднителенъ, по отдаленности отъ портовъ Чернаго моря и отъ пристаней на

тѣхъ рѣкахъ, которыя доставляютъ продукты въ Москву, Петербургъ и Ригу; Днѣпръ же весьма неудобенъ для сплава громоздкихъ товаровъ, по причинѣ пороговъ.

Харьковская губ., орошенная рѣками лучше сосѣднихъ съ нею губерній, имѣетъ $\frac{2}{3}$ всего пространства подъ черноземною почвою, требующаго удобренія только подъ коноплю и табакъ. Въ уѣздахъ Старобѣльскомъ, Зміевскомъ и Ахтырскомъ, кромѣ наносной въ долинахъ рѣкъ, вся почва состоитъ изъ жирнаго чернозема, прочіе уѣзды нѣсколько бѣднѣе въ этомъ отношеніи. Песчанія пространства залегаютъ въ Волчанскомъ, Харьковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ длинными, но узкими полосами. Солонцеватая почва встрѣчается въ южной оконечности Изюмскаго уѣзда, а каменистая только на берегу Донца, около Изюма. Черноземъ, смѣшанный съ глиною, находится на югѣ отъ Харькова, по дорогѣ на Екатеринославъ и по р. Лопани. Этотъ грунтъ земли даетъ пшеницу обильнѣе и доброкачественнѣе даже той, которая произрастаетъ на чистомъ черноземѣ, которому больше вредятъ засухи. Система хлѣбопашества въ губерніи трехпольная, но существуютъ и перелогі, тамъ, гдѣ много земли. Хлѣба родится достаточно и излишекъ простирается до 300 тыс. четвертей, который былъ бы еще болѣе, если бы работники не уходили на лѣто въ Донскую землю. Здѣсь случаются и неурожайные годы; во время конхъ хлѣбъ привозится изъ Курской и Екатеринославской губерній. Луга на сѣверѣ заливные, на югѣ степные и сѣна собирается болѣе, чѣмъ надобно.

Въ Екатеринославской губерніи преобладающая почва черноземная; ею обильны Новомосковскій, Павлоградскій, почти весь Бахмутскій и части Александровскаго, Верхнеднѣпровскаго и Екатеринославскаго уѣздовъ. Чѣмъ болѣе подвигаться на югъ, тѣмъ толщина черноземнаго слоя уменьшается и въ южной части сперва залегаютъ черноземъ съ глиною, а потомъ еще южнѣе суглинокъ и чистая глина. Сѣверныя части Славяносербскаго и Бахмутскаго уѣздовъ имѣютъ почву мѣловатую. Пески залегаютъ: по лѣвому берегу Днѣпра, отъ устья Самары до устья Орели; по лѣвому берегу послѣдней до с. Гуналовки; по лѣвому берегу Самары и вверхъ по р. Волчьей до с. Воскресенскаго. Каменистый грунтъ проходитъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ на востокъ до р. Калміуса, но онъ на поверхности прикрытъ другими почвами, а видѣнъ только въ обрывахъ рѣкъ и нѣкоторыхъ оврагахъ; хрящеватой и солонцеватой земли встрѣчается весьма мало.

Плодородіе земли здѣсь необыкновенно; безъ всякаго удобряванія одно и то-же поле даетъ три года сряду хорошій урожай; потомъ оставляется подъ парь, а черезъ два года на немъ косится отличное сѣно. Зерноваго хлѣба въ губерніи собирается до 3-хъ милліоновъ четвертей и пшеница разнаго рода сбывается въ Таганрогъ, Мариуполь, Бердянскъ и Ростовъ. По причинѣ переложной системы, количество сѣнокошныхъ луговъ опредѣлить нельзя, но сѣна въ степяхъ собирается такъ много, что только въ сухія лѣта косится сѣно на заливныхъ лугахъ, по долинамъ рѣкъ.

Таврическая губернія состоитъ изъ трехъ частей: горной, степной и степной-черноземной. Въ горной части, которая составляетъ $\frac{1}{13}$ часть губ., почва весьма разнообразна: каменистая, глинистая, известковая, песчаная и хорошо удобренный суглинокъ. Все степное пространство Крымскаго полуострова покрыто глиною, смѣшанною съ пескомъ въ разныхъ пропорціяхъ; есть нѣсколько полосъ и сѣрой земли; вся эта степь достаточно хлѣбородна, исключеніе составляютъ глинисто-солонцеватыя полосы въ уѣздахъ Евпаторійскомъ и Перекопскомъ, окранны морскихъ береговъ по Сивашу и небольшія пространства въ уѣздахъ Феодосійскомъ и Симферопольскомъ. Этотъ грунтъ совершенно не удобенъ для хлѣбопашества, а рѣдкія, солонцеватыя, на немъ растущія травы доставляютъ пастбище для скота, преимущественно овецъ и верблюдовъ. Песчаная полоса идетъ по всему низменному берегу Днѣпра и отъ Кинбурна до Каховки и далѣе, эта послѣдняя занимаетъ собою пространство въ длину на 160, а въ ширину на 35 верстъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пески эти образуютъ дюны, называемыя здѣсь кучугурами. Степная черноземная полоса находится въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, на материкѣ; здѣсь залегаютъ черноземъ глубиною около аршина, исключеніе составляютъ: описанная песчаная полоса, глинистосолончаковый берегъ Сиваша и подпочва, выказывающаяся на возвышенностяхъ, которая по р. Токмаку состоитъ изъ кристаллическихъ породъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ изъ твердой, красной глины и около Таганрога изъ твердаго известняка. На южномъ берегу Крыма жители занимаются винодѣліемъ и садоводствомъ, пахатныхъ же полей тамъ весьма мало; вся же остальная часть губерніи удобна для хлѣбопашества и скотоводства. Земледѣліе здѣсь было на различныхъ степеняхъ совершенства: начиная отъ переложной системы Ногайскихъ татаръ (нынѣ переселившихся въ Турцію), до прекрасно примѣняемой къ мѣстности четырехпольной системы нѣ-

мецкихъ колонистовъ — съ садами, удобренными лугами и засаживаемымъ лѣсомъ. До переселенія татаръ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи отпускалось за границу до 100 тыс. четвертей зерноваго хлѣба; нынѣ, по переселеніи всего мусульманскаго народа въ Турцію (слишкомъ 200 тыс. человѣкъ), поля останутся невоздѣланными; страна же можетъ прокормить вдвое болѣе прежняго населенія (687,000).

По добротѣ почвы, Землю Войска Донскаго можно раздѣлить на слѣдующія полосы: сѣверную, состоящую изъ округа Хоперскаго и частію Усть-медвѣдскаго, въ которой грунтъ земли черноземный, смѣшанный то съ глиною, то съ пескомъ и имѣетъ много прогалинь суглинка и супеси. Это пространство оканчивается на востокѣ спадомъ, перерѣзаннымъ многими оврагами, называемыми здѣсь ериками; на западной, возвышенной сторонѣ этой плоскости и по ерикамъ преимущественно лежитъ черноземъ; на восточной же сторонѣ, внизу, почти вездѣ глинистые и отчасти песчаные солончаки, поглощающіе всю прѣсную воду, стекающую по ерикамъ съ горной части. Эта полоса тянется черезъ округи Черкасскій и первый и второй Донскіе, сохраняя тотъ же характеръ мѣстности и почвы, но по маловодью она гораздо менѣе плодородна первой полосы. Третью полосу составляетъ вся правая сторона Дона; за исключеніемъ долинъ всѣхъ рѣкъ, она покрыта черноземомъ; тучнѣйшій залегаеъ въ Міускомъ и Черноморскомъ окр. Песчанья полосы находятся въ долинахъ рѣкъ Дона, Доцца, Хопра, Бузулука и Медвѣдицы. Каменный грунтъ выходитъ на поверхность около р.р. Міуса, Крынки, Севастьяновки и нѣкоторыхъ другихъ. Какъ въ Донской Землѣ удобреніе полей не въ употребленіи, то изъ 144 тыс. квадратныхъ верстъ всего пространства считается неудобной земли 7880 верстъ, которыя впрочемъ и при небольшомъ уходѣ могли бы также производить зерновые хлѣба. Система хозяйства здѣсь въ самомъ плохомъ состояніи; существуютъ единственно одни перелогн, но по плодородію и обилію земли, за исключеніемъ сильныхъ неурожаевъ, жители Земли Войска Донскаго обходятся собственнымъ хлѣбомъ, а пшеницу нѣсколькихъ сортовъ отпускаютъ за границу. Степныхъ и заливныхъ луговъ въ странѣ весьма много, такъ что со всей земли собирается, приблизительно, до 122 милліонъ пудовъ сѣна; но это огромное количество употребляется безъ остатка въ краю на кормъ рогатому скоту и лошадямъ, которыя составляютъ здѣсь неисчерпаемое богатство.

Исключая Тамань, Земля Черноморскихъ Козаковъ, (нынѣ состав-

ляетъ Кубанскую область, т. е. ея сѣверную часть; закубанская же еще вовсе не изслѣдована, потому что она находилась въ рукахъ непокорныхъ горцевъ), состоитъ изъ сплошнаго чернозема; къ югу, т. е. близъ Кубани, толщина около аршина; чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ онъ лежитъ тоншимъ слоемъ и на самомъ сѣверѣ проникнуть солончаками. На Тамани земля сѣрая, чрезвычайно легкая, смѣшана съ пескомъ и во многихъ мѣстахъ согрѣта подземнымъ жаромъ дѣйствующихъ грязныхъ вулкановъ. Таманская почва чрезвычайно плодородна, но легко истощается и требуетъ значительнаго времени для поправленія. Урожай на земляхъ, по сѣверную сторону Кубани лежащихъ, достигаетъ до самъ—тринадцати; а на Тамани зерно, посѣянное въ дѣвственную почву, даетъ самъ—двадцать.—Въ степи черноморскаго войска нѣтъ ни песковъ, ни камней, ни другихъ минераловъ; на Тамани же есть камни и желѣзныя руды. Прикубанскія и приморскія заливыя болота имѣютъ грунтъ частію песчаный, частію илистый и солончаковый и въ нихъ залегаютъ большія пространства торфа, который здѣсь въ дѣло не идетъ. На всю черноморскую степь можно смотрѣть, какъ на обширный лугъ, съ превосходными злачными, разнообразными травами; засѣянное поле—рѣдкость, потому что козакъ сѣетъ только для своего обихода, а не на продажу; на продажу же онъ разводитъ скотъ. На 28 тыс. квадр. вестахъ всего пространства — степь прокармливаетъ до 200 тыс. рогатаго скота, овецъ болѣе полумилліона и около 50 тыс. лошадей. Этотъ скотъ и составляетъ главный предметъ торговли края; такъ - что, среднимъ числомъ, козаки продаютъ ежегодно рогатаго скота до 30 тыс., лошадей до 5 тыс. и овецъ около 150 тысячъ штукъ, на сумму отъ 800 тыс. до милліона рублей.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что, несмотря на доброту почвы, Южная Русь не производитъ и третьей доли того, что бы она могла производить, еслибы не представлялись къ тому одолимыя и неодолимыя преграды. Этихъ главныхъ преградъ существуетъ двѣ: 1) климатъ: хотя его и называютъ умѣреннымъ, но это названіе справедливо только въ—отношеніи южнаго берега Крыма и малой югозападной части Подольской губерніи. Въ самомъ же дѣлѣ, переходы въ температурѣ здѣсь необыкновенно рѣзки и составляютъ до 40 градусовъ въ хорошихъ и до 70 въ худшихъ мѣстахъ, т. е. что въ самой умѣренной полосѣ, какъ напримѣръ въ Подольской губерніи, лѣтомъ жаръ превосходитъ, а зимою холодъ достигаетъ до 20 гр. Реомюра; въ Херсонской же губ. и восточнѣе Дона крайняя температура доходитъ

до 35 гр. Кромѣ этихъ годовыхъ измѣненій иногда бываютъ поразительны и суточные: разность температуръ въ одинъ день бываетъ въ 20 гр., что зависитъ отъ переменъ вѣтра; западный и югозападный приносятъ тепло и влажность, сѣверо-восточный холодъ и сушу.

2) Недостатокъ сообщеній. Вся Южная Русь, за исключеніемъ Галиціи и Люблинской губерніи, весьма мало имѣетъ устроенныхъ шоссе, — между тѣмъ благодатный черноземъ, по своей мягкости, въ дождливое время очень неудобенъ для движенія тяжестей, до-того, что повозки грузнуть въ немъ по ступицы, а колеса, увлекая грязь за собою, увеличиваются вдвое въ своемъ объемѣ. Водяныя сообщенія почти не подають надежды къ исправленію: извилистое теченіе Днѣстра, пороги на этой рѣкѣ, на Бугѣ и на Днѣпрѣ, измѣчивость фарватера всѣхъ этихъ рѣкъ и Дона, и, наконецъ мелководье лимановъ — надолго останутся значительными препятствіями къ плаванію судовъ. Единственная надежда остается на постройку сухопутныхъ сообщеній, т. е. шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Тогда только улучшится и сельское хозяйство, потому-что личная польза, не встрѣчая препятствій, будетъ лучшимъ двигателемъ къ его развитію; а теперь главная остановка за сбытомъ сельскихъ произведеній.

И. М.